

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 Ирина Сапир: Фестиваль «Земля Обетованная»
- 5 Питчинг для писателей в рамках фестиваля. Итоги
- 6 Дина Ратнер: Творчество-поиски Бога-поиски себя
- 12 Владимир Волкович: Случайность и неизбежность
- 24 Ольга Равченко: Жизнь прекрасна!
- 29 STELLA представляет:

МГП «Слово сквозь время и пространство» Владимир Райберг «Светочи застолья»

- 34 Владимир Райберг: Счастье приходит как результат труда
- 42 Владимир Райберг: Гой еси, Соломоныч
- 45 Михаэль Юрис: Сквозь тонкий пласт Вселенной
- 48 Михаэль Юрис: Евреи, Россия и Запад
- 52 Стихия огня энергия жизни
- 53 Поэтическое творчество «Волшебство огня»:

Светлана Размыслович: Гроза в ночи

Максим Сафиулин: Счастье на ладони

Эвелина Цегельник: Огонь в ночи

Марина Симонова: Огонь-обманщик

Владимир Райберг: Я не вижу ваш профиль...

- 55 Татьяна Кайзер: Огненная саламандра
- 57 Анте Наудис: Женщина-Огонь
- 58 Елена Яхненко: Два пламени
- 60 Поэтический салон

Валентина Чайковская: В зените мира

Анна Сагармат: Нам мало было ночи...

Валентина Бендерская: Созвучие

Екатерина Кордюкова: Поздняя любовь

Максим Сафиулин: Зажгите мир!

Юлия Ольшевская: Вьюга вновь играет в прятки...

Владимир Авцен: Летнее происшествие

62 Моисей Борода: Вдохновенный мир кино.

Беседа с режиссёром Мерабом Кокочашвили

Фестиваль «Земля Обетованная»

Ирина Сапир, член МГП

Тель-Авив, 2019

Все. Все разъехались. Вернулись в свою рутину, в свои города и страны, поставив точку в конце восьми ярких, наполненных, суматошных дней. И сразу стало как-то пусто. Теперь можно уверенно сказать, что у нас все получилось. Получилось, несмотря ни на что. А этого «ни на что» – собралось немало.

Кто бы мог предположить, что именно во время фестивальных дней юг нашей страны будет сотрясать внезапно поднявшийся военный торнадо. Бомбили нещадно. Мы старались оберегать наших гостей от волнующей и пугающей информации, наши фестивальные планы – от сбоев и отмен. Мы старались получать кайф от фестивального общения и событий, не упустив ни слова из очередной главы нашего МГП-шного романа, но частично мысли были с родными и друзьями, сидящими в бомбоубежищах.

На дни фестиваля пришлись и несколько жестких хамсинов. Это слово повергает в дрожь всех израильтян или частых гостей этой земли. Хамсин – не война. Это всего лишь разновидность погоды. А конкретнее – ветер, летящий из пустыни, заволакивающий небо мутным маревом так, что даже на наше восточное солнце можно смотреть, не морщась, без солнцезащитных очков, несущий в города, лежащие на его пути, нестерпимую жару и песок, делающий воздух густым и вязким.

На фестивальный период пришлись и дни памяти о погибших. Дни, когда по городам Израиля разливается остро-ощутимая горечь, кажется, что привычное городское движение замедляется, восприятие притупляется, а горожане словно впадают в медитацию скорби и грусти. Когда же звучит поминальная сирена, приезжих часто шокирует странное ощущение того, что словно какой-то гигант нажимает на кнопку отключения, и вся страна замирает. Вмиг встают все. В кафе, в магазинах, в школах, в офисах. Замолкают ВСЕ голоса. Останавливают свои течения ВСЕ шоссе и магистрали. Из автобусов и машин выходят люди и становятся между ними прямо на дорогах. Все

как будто сливаются в одной общей молитве, не важно – кто какой религии, конфессии, политической направленности или страны рождения. Все недоговорки, разборки, распри и внутренние междоусобицы стираются, становятся неважными и незначительными перед этой общностью. Нашим МГП-шникам пришлось лицезреть и это.

А потом – с корабля на бал. После самого грустного дня, наступает самый веселый!! День Независимости страны. Тот, кто остался фестивалить с нами до упора, наблюдал, как небо над израильскими городами взрывается салютами!! Один за другим, один за другим. Салюты грохотали с девяти вечера до двух ночи. На площадях городов гремела музыка! Но как приятны эти шумы, сотрясающие штиль будней, по сравнению с теми, что разрывались над Ашдодом лишь два дня назад.

Кто может поверить, что все эти события, амплитуда которых от плохого до хорошего падала и поднималась с самого дна до самых небес, уместились в одну неделю?! И, несмотря на все это, мы не отошли от намеченных планов, не потеряли ни минуты общения, не упустили ни одной встречи и ни миллиграмма радости.

Было все: и праздничная церемония, и литературные встречи, экскурсии по старинным и современным городам, по торжественным монастырям, по подземным пещерам, по тишайшим озерам, вдоль волнующегося средиземного моря и по интересным музеям.

Были кафе, рестораны, прогулки, посиделки, общение, общение, общение... Было все, как всегда на фестивалях Международной гильдии писателей – интересно, ярко, разнообразно и наполнено. И все-таки – немного подругому. Это же Израиль. А он без сюрпризов не может.

Фестиваль завершен. Написана еще одна глава в хронике МГП.

До встречи, дорогие! Теперь – в Париже.
А дальше – еще где-нибудь!!!
Пусть полнится хроника МГП многими и
многими главами.

Пусть все они будут разнообразны. Но пусть все будут одинаково уютными, приятными и дружескими!

НОВЫЙ РЕНЕССАНС 1/35-2019

Питчинг для писателей в рамках фестиваля Итоги

Каждый автор желает увидеть свои произведения изданными на бумаге. Да, в общемто, это не проблема, – скажут многие. – Плати и издавайся. Как вариант – почему бы и нет. Но все же куда приятнее, когда автора заметили, оценили, да еще и книгу ему издали. А потом она – книга имеется в виду – поехала на международную книжную выставку в Германию, попала в немецкую государственную библиотеку, да еще и была номинирована на ряд престижных конкурсов. Реально ли это? Вполне!

Международная гильдия писателей и издательство STELLA организуют для писателей питчинги. Каждый может себя в нем попробовать, каждый имеет право предъявить к рассмотрению свою рукопись. В мае этого года такой питчинг состоялся в Тель-Авиве.

Гран-При-1 и право на издание книги в немецком издательстве stella, с последующим продвижением издания на книжном рынке получает Дина Ратнер, писатель, доктор философских наук, член МГП (интервью с писателем на стр. 6). Ее книга «Сюда вернулась душа моя» о пожилом человеке, репатриировавшемся в Израиль в преклонном возрасте. Наделенный сильным воображением, он еще в детстве придумывал людям разные судьбы, а будучи в Израиле, воображает себя во времена Иудейской войны, когда был разрушен Второй Храм. Ощущение бессмертия души, представление о связи бесконечного Творца с конечным человеком, желание найти оптимальный вариант в исторических событиях двухтысячелетней давности обуславливает те или иные решения героя.

Гран-При-2 и так же право на издание книги в немецком издательстве STELLA в серии МГП «История и персона» получает Владимир Волкович, писатель, член МГП (интервью с писателем на стр. 12). Его книга «Фаворит императрицы» рассказывает о единственном случае в тысячелетней истории России, когда бедный пастух из Малороссии стал фельдмаршалом Российской империи. Это произведение об Алешке Розуме, пастухе и фельдмаршале Алексее Григорьевиче Разумовском и императрице Елизавете Петровне.

Еще один приз – новая книга, которая так же будет издана при поддержке МГП в Германии, сборник «Преображение».

Идея книги – поведать миру о трансформации человека. О том, как происходит переплавка в человеческом сердце порока в добродетель, страха – в мужество и силу, ненависти – в любовь.

В новую книгу приглашены авторы: Ханох Дашевский – член МГП; Ирина Сапир – член МГП; Валентина Бендерская – член МГП; Карина Муляр – член МГП; Роман Камбург; Леонид Колганов (посмертно); Анна Миронова.

Творчество – поиски Бога – поиски себя

Дина Ратнер, член МГП Из серии интервью с Ладой Баумгартен

Лада Баумгартен: Дина, мне хочется поговорить о вас, как о человеке и личности. Не скрою, что проштудировала ваши произведения и лекции, доступные в интернете, возможно, что с какой-то стороны они и приоткрывают завесу о вас, но все-таки большинству читателей, в частности, кому мы хотим представить нашу беседу, ваше имя не так известно. В общем-то, тут нет ничего удивительного, вы - писатель ищущий, я бы сказала - духовный, глубинный, а это не для массового потребителя. И не потому, что я занижаю оценку современного читателя, просто таковы реалии, люди в большинстве своем склонны при выборе той же литературы искать больше развлечений, чем умных мыслей. Но вначале я хочу обратиться к вашему детству. Вы родились в Одессе. Знаю, что с семьей были эвакуированы. Поделитесь, пожалуйста, вашими воспоминаниями о военном детстве.

Дина Ратнер: Родилась я в Одессе в 1938 году, эвакуировалась на последнем уходящем из Одессы пароходе, город уже бомбили. Перед нами отплыл большой новый пароход «Ленин», куда мы не смогли попасть. «Ленин» наскочил на мину, и все, кто был на нем, погибли. Бабушка рассказывала, что мы стояли на палубе, видели тонущих людей и не могли им помочь. Капитан нашего корабля приказал привязать детей к взрослым и в случае, если в корабль попадет бомба — над нами летали немецкие самолеты — всем прыгать в воду. Так и стояли на палубе с привязанными детьми пока не доплыли до Новороссийска, где старый капитан признался своим пассажирам, что не надеялся добраться до берега на своей старой посудине.

Я с бабушкой и брат с мамой – такое у нас было разделение семьи по сходству души – оказались на другом от Красноярска берегу Енисея, в деревне «Шанхай», где был гидролизный завод, на котором делали спирт из древесных опилок. Мама работала на том самом заводе чуть ли не сутками. Помню черноту ночи за окном, тлеющие красные угли в железном корыте – их бабушка выгребала из печки, чтобы тепло не уходило в трубу. Мы с братом сидели возле корыта, грели руки над горячими углями и слушали бабушкины рассказы о выходе евреев из Египта. Представляя себя среди бредущих в пустыне без воды и хлеба людей, решила: лучше умереть в дороге, чем вернуться в рабство, где фараон убивал младенцев только за то, что они родились у евреев.

Помню страшный голод, бабушка делила свою пайку хлеба мне с братом, а сама ела собранные на помойке очистки. Помню – я ходила в маленький дощатый магазин, куда привозили повозку с хлебом, хлеб быстро расхватывали, но оставался запах, я стояла и нюхала. Как-то по карточкам нам выдали длинную черную рыбу, должно быть, то был угорь. Бабушка отдала ее изумленной такой щедростью соседке, объяснив, что евреям запрещено есть рыбу без чешуи. Тогда же поняла: есть что-то важнее голода. Помню весной, когда начинался ледоход, огромные, в человеческий рост, глыбы льда на берегу Енисея. Солнце пригревало, и сплошной лед становился сосульками, стоило прикоснуться, и глыба рассыпалась с мелодичным звоном... Нетерпение, с которым ждала, когда, наконец, пойду в школу, обернулось

страхом – местные мальчишки называли жидовкой и били за то, что «жиды Христа замучили».

Лада Баумгартен: Помните ваши чувства, когда прозвучало слово ПОБЕДА в мае 45-го? Что вам больше всего запомнилось в этот день?

Лада Баумгартен: После войны вы оказались в Москве, а почему там?

Дина Ратнер: Помню солнечный день ПОБЕДЫ, понимала, что нужно радоваться, но..., но меня больше занимали инвалиды войны; чувство вины перед безногими парнями, которые, отталкиваясь руками от земли, ездили на дощечках с роликами. Чувство вины осталось с детства и появляется всякий раз, когда вижу обездоленного судьбой человека. Ничего не изменилось после победы на том месте под Красноярском; люди продолжали пить спирт, который делали на местном заводе из опилок, и рано умирали. Начали спиваться даже чопорные аккуратные немцы; их выселили в нашу глухомань из Поволжья.

Дина Ратнер: Мы выбрались из того гиблого места только потому, что после войны было постановление правительства о том, что воевавший на фронте имеет право вызвать к себе, где бы он ни жил, своих близких родственников в случае, если их дом разрушен во время бомбежки. Наш дом в Одессе разрушен, возвращаться было некуда, и мамин брат Ефим - он же Хаим, прошедший всю войну от солдата до капитана и получивший высшие награды, вызвал нас к себе - в Москву. Два других маминых брата погибли, один сгорел в танке, другой – летчик – погиб при первом же вылете. Был убит и мамин отец с семьей старшего сына в селе Сиваковцы недалеко от Жмеринки. Их долгое время прятали соседи, и уже перед концом войны выдал украинский мальчик-сирота, который рос у дедушки в доме. Должно быть, мальчик не понимал, что делает, а может, его подкупил местный полицай.

После войны мы получили письмо, из которого узнали, что долго земля шевелилась на том месте, где расстреляли наших родных. Дядя Ефим про войну не рассказывал, только однажды обмолвился, что когда им – солдатам – на неделю выдавали порцию масла, то все съедали его сразу; никто не знал – останется ли в живых до завтра.

Помню, повел он меня в Москве в зоопарк, и помню ощущение трагизма при виде запертых в клетках животных; они смотрели грустными человеческими глазами. В 1951 году, когда мы оказались в Москве, евреев на работу не брали, должно быть от того, что именно тогда набирала силу кампания против «безродных космополитов». После долгих мытарств мама, наконец, устроилась на подмосковную нефтебазу, далеко от железнодорожной станции. То ли там очень нужен был

специалист, мама – инженер-теплотехник, то ли директор не был антисемитом. Помню там – в рабочем поселке – был длинный, осевший в землю, старый барак, куда привезли вербованных из деревень девушек. К ним ходил тщедушный Васька-шофер. Девушки наперебой старались ему потрафить, купить «чекушку». Дрались изза него. Однажды ночью он пьяный уснул на дороге и его задавил грузовик.

Девушки одна за другой рожали от него детей, по очереди какая-нибудь из них оставалась с младенцами, остальные выполняли на кирпичном заводе ее рабочую норму. По воскресеньям мылись, накручивали бумажные бигуди и пели: «Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой, ой да ты не жди, не жди добра молодца...» И я чувствовала себя виноватой в том, что не придут погибшие на фронте добры молодцы.

Лада Баумгартен: Когда и как начался ваш путь в качестве литератора? Ведь после школы вы учились на строителя, верно?

Дина Ратнер: В том месте, где грязь поднималась выше резиновых сапог, а в школьной библиотеке была только одна толстая книга «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, иногда в клуб – своеобразную землянку – привозили фильмы. Была потрясена фильмом Филини «Ночи Кабирии», из которого узнала, что счастье и несчастье человека не зависят от его стараний, ума и души. В обстановке, где окном в мир были всего лишь кинофильмы, я только и могла мечтать о том, чтобы стать артисткой.

В институт Кинематографии на актерский факультет меня не взяли. Девочка-одноклассница поступала в техникум «Общественного питания», ну я и пошла с ней за компанию. В техникуме, который обыгрывает Геннадий Хазанов, оказалась самым бездарным студентом. Всемогущий шеф-повар в ресторане, где мы проходили практику, понял мою отчужденность от поварского ремесла и, будучи садистом, заставлял меня одну из всей группы заниматься бессмысленным трудом – на деревянной доске тяжелым ножом рубить муку. Вот тогдато от отчаянья я и поступила в строительный институт.

По окончанию работала на киностудии имени Горького в должности инженера по вентиляции. Слесарь и электрик, которые были в моем распоряжении, не слушались меня; я их все время искала по чердакам, где были вентиляционные установки, а когда, наконец, находила, то была так рада, что и не ругала.

Свободного времени после работы для чтения книг не оставалось, и я ушла в школу при ПТУ преподавать физику. Три дня работала и три дня – свободных, тогда была шестидневная рабочая неделя. Ученики – подростки из неблагополучных семей – сплошная безотцовщи-

на, хорошо, если мать не пила. На уроках дрались, ругались. Не могла с ними сладить, и тогда стала им читать книжки, начала с «Гадкого утенка» Андерсена. Мальчишки притихли, должно быть почувствовали себя тем гадким утенком, который превратится в прекрасного лебедя. Так и проходили наши занятия – половину урока учим физику, половину – читаем.

Когда пришел инспектор из ГОРОНО проверять успеваемость, оказалось, что знание физики на высшем уровне по сравнению с другими предметами. Ученики боялись меня подвести и потому старались – были активными, тянули руки, наперебой хотели ответить на тот или иной вопрос.

Лада Баумгартен: А потом вы оказываетесь в Тбилиси. Ваши рассказы об этом городе, да и вообще о Грузии, очень проникновенны, пронизаны необыкновенной теплотой и душевностью. Может быть, мне показалось, но, когда мы встретились в Тбилиси в 2018 году в рамках литературных встреч, от вас будто бы исходило сияние.

Скажите, Дина, что для вас Грузия, Тбилиси? Наверняка у вас есть и, может быть, даже не одна история, связанная с личными переживаниями на грузинской земле.

Дина Ратнер: В процессе работы с подростками я увлеклась психологией и хотела поступить в аспирантуру Института Психологии педагогических наук, где уже сдала кандидатский минимум. В это же время случайно прочла книгу философа А. Н. Илиади «Природа художественного таланта» и решила, что философия, в отличие от психологии, дает больший простор воображению, ибо не ограничивается психофизиологической природой человека, а поднимает нас к Богу. Я - не религиозная, но верующая с ощущением должного, а именно - человек живет перед лицом Бога и не должен идти на компромисс. Одним словом, оставила Институт Психологии, где меня брали в аспирантуру, ушла в сторожа и стала запоем читать философов. Все бы хорошо, если бы не презрение дочки по поводу моего низкого социального статуса и бедности: 60 рублей – зарплата сторожа и 25 – алименты. Ну да, наверное, и дочку можно понять.

В библиотеку при Академии Общественных наук приходила первая, в читальном зале еще было холодно от открытых ночью форточек. Спустя пять лет написала диссертацию на тему: «Индивидуальность писателя и творческий процесс», где исследовалась роль бессознательных психических процессов в творческом мышлении. Но... но не знала, что тема бессознательного на философском факультете Московского Университета, где все рассматривалось с точки зрения марксистско-ленинской методологии, не проходит. Защитилась через несколько лет в Тбилисском университете после устроенной грузинами первой и единственной в Советском Союзе международной философской конференции на тему - «бессознательное». Моя тема случайно совпала с темой конференции. Грузины боялись, что ВАК - Высшая Аттестационная Комиссия - в Москве «зарубит» мою диссертацию и дали два дополнительных оппонента. Один из них с характерным грузинским акцентом

сказал: «Если женщин такой умный, что должен делать мужчина?» То был самый большой комплимент в моей жизни. Когда дело дошло до оформления документов, секретарша на кафедре, увидев мою растерянность, спросила: «В чем дело?» Я сказала, что у меня плохая анкета: «Еврейка и не член партии». Философ в Москве не мог не быть членом партии. Именно по причине анкетных данных долго оставалась в сторожах, работу находила, но, когда заполняла анкету, – отказывали.

Секретарша рассмеялась, сказала, что у них ректор беспартийный, а евреи - князья. Тогда же узнала историю евреев в Грузии - то была единственная республика в Советском Союзе, где не было антисемитизма. Опять же гуманитарная культура Грузии схожа с основными положениями иудаизма, сходен и язык - в иврите и грузинском, согласно академику Н. Марра, тысяча одинаковых корней. Об этом я писала в статье «Евреи в Грузии». Писала и о неожиданно появившихся друзьях: об Эрломе Ахвледиане - журналисте и о Тамаре Кукава - первой в Грузии женщине-академике, будучи одним из моих оппонентов, она сказала: «Читала вашу диссертацию как роман». Эрлом и Тамара - уже в лучшем мире, но остались их работы; в частности - Эрлом написал лучший сценарий фильма о Пиросмани, а Тамара перевела «Метафизику» Аристотеля с древнегреческого на грузинский язык.

Лада, на вопрос: «Когда и как начался путь в литераторы», отвечаю: начался во время сидения в ночных сторожах. То была замечательная работа, я о ней писала в повести «В поисках бочки Диогена». Сидишь один в запертом помещении и читаешь, вспоминаешь, пишешь. Я интроверт – ориентирована на внутренний, а не на внешний мир; долго изживаю впечатления, чувства. Писание не освобождает от негативных эмоций, а поднимает над ними.

Лада Баумгартен: Дина, что для вас вера?

Дина Ратнер: Сколько себя помню, не покидает ощущение, что живу перед лицом Бога. Должно быть, заимствовала это чувство у бабушки, а может, врожденная данность. Достоевский говорил: «Не бывает еврея без Бога». Если и случилось сделать что-либо неправедное, то это по незнанию. В Израиле, при знакомстве с еврейской историей, сознание диалога со Всевышним усилилось. Нечто подобное можно сказать и о русских классиках. Для Ивана Бунина земля Израиля – память о прошлом, которое неотделимо от настоящего, вечный диалог Бога и человека. Бунин же пророчествовал о том, что евреи снова соберутся на своей земле. Лев Тол-

стой искал в иудаизме, Святом Писании ответ на общечеловеческие вопросы о смысле жизни. Антону Чехову близки еврейские законы справедливости, добра и философия Экклезиаста, где «все возвращается на круги своя». Об этом я рассказывала аспирантам Литературного института в Москве, куда меня взяли на работу по причине отсутствия других специалистов о «бессознательном» в творческом мышлении. В результате многие из слушателей перестали быть антисемитами. Из чего можно сделать вывод: причина антисемитизма в незнании теологии иудаизма.

Дина Ратнер: На вопрос: «Что бы посоветовала тем, кто только встает на путь познания себя» я в некотором смысле ответила книгой: «Творчество - поиски Бога поиски себя», где рассматривала становление личности, мировоззренческие установки в зависимости от врожденных особенностей, характерологических данных и социального окружения. Если человеку не грозит беспросветная нищета, можно позволить себе роскошь быть свободным. В Святом Писании сказано: «Иди человек туда, куда влечет тебя сердце твое». Выбор ограничен, если исходить из положения, что бытие определяет сознание. Можно и наоборот: сознание определяет бытие; тогда наши возможности значительно расширяются. Последнее слово за нашим индивидуальным предпочтением: изобретать ли вечный двигатель, искать философский камень, или найти себя с помощью художественного осмысления жизни - искусства. Что бы мы ни выбрали, важно поставить перед собой высокую цель - легче жить со сверхзадачей. Отправляясь в путешествие, Колумб поставил перед собой сверхзадачу – отыскать рай для изгоняемых из Испании евреев, а нашел Америку - тоже неплохо.

Дина Ратнер: Лада, я замкнутый человек – по гороскопу – рак – рак-отшельник. Общаюсь мало, выползаю на свет из своей норы редко. Например, о конференции в Грузии узнала случайно от своего соседа и вашего лауреата Ханоха Дашевского, куда он и собирался с супругой. Конечно, обрадовалась побывать в Тбилиси, где у меня друзья. На конференции среди пишущих людей было ощущение комфорта и востребованности. Там же познакомилась с родственной по духу писательницей – Миланой Гиличенски, за что отдельное спасибо. Спасибо за интерес к моей прозе и к исследованиям эстетико-психологических механизмов творческого мышления.

Лада Баумгартен: А что вы посоветуете тем, кто только еще встает на путь познания себя? Ведь, как часто бывает, осознав, что жизнь перестала отвечать нашим ожиданиям, мы пытаемся вступить на путь перемен. Но ведь невозможно изменить что-то в себе, не поняв сначала, кто ты есть на самом деле? А как понять, постичь - каким образом устроена твоя собственная жизнь, какие факторы оказывают на нее влияние и как возможно обрести смысл в своем существовании? С другой стороны а нужно ли искать этот смысл? «Если человек задумался о смысле жизни, значит, он серьезно болен», - так считал известный психоаналитик Зигмунд Фрейд.

Лада Баумгартен: И еще не могу не спросить в заключение нашей беседы – вы член Международной гильдии писателей, скажите, пожалуйста, чем вас привлекла наша организация?

Случайность и неизбежность

Владимир Волкович (Рабинович), член МГП Из серии интервью с Ладой Баумгартен

Лада Баумгартен: Владимир, ваша автобиография начинается с таких слов: «Родился в последний год Великой Отечественной войны, промозглой ноябрьской ночью, посреди города Казани, на татарском кладбище "Тат мазар". В домишке, сколоченном отцом из старых фанерных ящиков, был сильный холод, который запомнился на подсознательном уровне, и послужил одной из причин переезда в жаркую страну к теплому морю. Правда, это случилось только через полвека...» Но ведь это почти начало, наверное, не простой, но довольно интересной житейской истории, наверняка воплотившейся в одну из ваших книг? Я права? Если еще не воплотилась, хотя само по себе вступление интригующе, то наши читатели, думаю, с удовольствием ознакомились, хотя бы вкратце, с продолжением. Что же было дальше?

Владимир Рабинович: Действительно, эти несколько предложений, написанные для автобиографии, вобрали в себя целый пласт времени, который я описываю в своем автобиографическом романе «Дорога через вечность». Начинается эта книга в 607 году до н. э., в год разрушения Иерусалима и изгнания иудеев в Вавилон. В толпе тех, кого изгоняли, шагал рядом с пророком Иеремией и мой предок — Зеэв. Я же рождаюсь только в третьей части романа...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: НАЧАЛЬНЫЕ СТУПЕНИ ЖИЗНИ Глава первая. Я РОДИЛСЯ

Тысячу лет тому назад там, где в Волгу впадала небольшая тогда безымянная речушка, булгарский царь Шамсун-Саид основал город-крепость для защиты царства своего от северных народов. Город назвали Газан, по имени одного из царей Волжско-Камской Булгарии. Потом это слово стали произносить как Казан – Казань, а безымянную речушку назвали Казанкой.

Старое кладбище «Тат-мазар» (татарское кладбище), на котором сотни лет хоронили умерших, и которое было расположено за пределами крепостной стены, с течением времени оказалось почти в центре разросшегося города. На этом кладбище холодной ноябрьской ночью последнего года Великой войны родился мальчик. Это было необычно, это было удивительно, это было символично, это было страшновато – на том самом месте, где лежали десятки поколений людей, давно ушедших в мир иной, вдруг появился трепещущий комочек жизни – маленький ребенок.

Мальчика назвали Зеэв, что в переводе с древнего языка означает Волк. Происходил он из колена Вениаминова, символом которого и был Волк. Колено Вениамина – сына патриарха иудейского Иакова – владело землей, на которой вознес впоследствии свои стены город Иерусалим, ставший центром мира. Но в стране победившего социализма не могло быть такого имени, и даже имя Волк уже пятьсот лет не давали люди русские детям своим. Последним носил такое имя знаменитый дьяк Ивана Грозного Волк Курицын. Потому и записали мальчика именем более подходящим для уха представителей победившего пролетариата – Владимир. Это имя было созвучным имени Волк, на языке идиш – Велв. Мать моя все детство называла меня «meine kleine Velve – мой маленький Волчонок».

Отец сам построил домишко на кладбище, там было свободное место, из подручного материала: ящиков и старых досок, в нем суждено было родиться моей старшей сестре и мне. В 1947 году вышел Указ Сталина о «повторниках», тех, кто уже отсидел ранее, поскольку власть держалась на репрессиях. Мой отец был арестован в разгар террора в 1937 году и вышел в феврале 1941-го. Как это ему удалось, я рассказываю в романе. Но через десять лет посадки начались снова. Хороший знакомый отца - секретарь парткома завода, где он работал, предупредил, что им уже интересовалось НКВД. «Беги отсюда, беги скорее, в дальние края, на север, на восток, туда, где тебя не знают, иначе заметут, это точно». Отец взял в охапку семью, вернее, жену, меня и сестру (старшие братья были в армии), и уехал на Урал, в Нижний Тагил, где жила его младшая сестра, бывшая в то время зам. прокурора района. Она и помогла нам с комнатой в коммуналке. Так я оказался на Урале. Только спустя много лет узнал, что из «повторников» мало кто возвратился живым.

Лада Баумгартен: Получается, что выросли вы на Урале. Урал – легендарный край, который волнует воображение. Обитель густых туманов, таинственных легенд и удивительных явлений. Но в первую очередь, это, конечно, горы. Не самые высокие, но зато самые древние на планете. А вы, я знаю, покоряли их вершины и даже встречались там с медведями...

Владимир Рабинович: Признаюсь откровенно, я бывал во многих местах, но красивее Урала не видал. Говорят, что Урал – вторая Швейцария, но это неправда, Урал красивее Швейцарии. Красивее своей седой, дикой естественно-природной красотой, своим необыкновенным разнообразием, своей неповторимостью и богатством недр, гор и лесов...

С раннего детства меня терзала «охота к перемене мест». Это, скорей всего, шло от далеких предков, которым приходилось бежать от преследования, смертельной опасности, дикости религиозного принуждения. Я много написал об этом: роман «Хмель-злодей», основанный на тех источниках, которые скрывала Советская власть, на свидетельствах очевидцах, на книге «Пучина бездонная», написанной в 1657 году чудом выжившим Натаном Ганновером. Рассказ «Люди, смотрите, я умираю евреем» о погроме и убийстве, и сожжении заживо большой еврейской общины в германском городе Майнц 29 августа 1349 года, и другие вещи.

В составе туристической секции с 12 лет я ходил по Уралу, сплавлялся на плотах по горным рекам, поднимался на вершины, собирал камни. Минералогией настолько увлекся, что собрал большую коллекцию, которую возил за собой всю жизнь. Там были мрамор и малахит, горный хрусталь и дымчатый кварц, аметисты и голубая лазурь, железный и медный колчедан в кристаллах, агат и золотые крупинки в кварците, слюдабиотит и лунный камень. Большую часть роздал, но остатки даже привез в Израиль. Перечитал много литературы о камнях. «Минералогия» Фельдмана стала моей

настольной книгой, собирался поступать в Горный институт. Но жизнь сложилась по-иному.

О встрече с медведем я написал в одной из глав и по просьбе девчат выложил в Фейсбук отрывок. Мне тогда было 16 лет, и работал в геологоразведочной экспедиции. Позже с медведем я встречался в Забайкалье, а на сохатого мы даже охотились, по лицензии, конечно. После делали сотни котлет и ели их без хлеба. Много лет потом в горле у меня стоял вкус дикого лосиного мяса.

Намного позже в Татарии я охотился на волков (даже волчью шапку сшил жене), в Белгородской области – на кабанов, а в тундре – на пернатых.

Владимир Рабинович: У меня две специальности: инженер-строитель и журналист. Обе специальности я получил случайно. Вообще, я приехал в Уральский политехнический институт поступать на Физико-технический факультет, но меня даже до приемных экзаменов не допустили. Приветливый председатель приемной комиссии посоветовал поступать на Строительный факультет на прекрасную специальность «Тепловодогазоснабжение и вентиляция». Почему это произошло, я подробно рассказываю в своем романе. Тут даже речи быть не могло, моя национальность закрывала дорогу к отрасли, имеющей оборонное значение. И я поступил на стройфак. Во время учебы открылся «Факультет общественных профессий», где было отделение журналистики, на которое я немедленно поступил, мои юморески частенько появлялись в газетах. Так и случилось, что я получил два диплома. Тогда еще не предполагал, что учусь на том же факультете, который окончил до меня будущий президент России Б. Н. Ельцин.

Во время учебы произошло много важных событий, в том числе и практика, где я работал на Асбогиганте – строящейся крупнейшей в стране асбестовой фабрике. Начальником строительства был Игорь Баскин, муж моей двоюродной сестры, сын известного представителя ЦК КПСС, который в 1934 году являлся ответственным за переселение евреев в Биробиджан. Как и все, он был арестован в 1937 году, отсидел 16 лет и сумел выжить, выйдя на волю в 1953-м. Он и написал редчайшую сейчас книгу «Салюты и расстрелы», которую мне подарил его сын Игорь.

Игорь же и ввел меня в интересный мир строительства. После защиты дипломного проекта и получения офицерского звания весь наш выпуск был направлен в строительные войска, в основном, в Забайкальский военный округ, где после конфликта с Китаем, концентрировалось много частей и техники. Два года на строительстве ракетных хранилищ и шахт в тайге дали мне очень многое. И вообще я понял, что каждое новое ме-

Лада Баумгартен: В фейсбуке я часто сталкиваюсь с тем, что на многие размещаемые посты у вас есть свой комментарий – видел, трогал, был, знаю. И я понимаю, что это не пустая бравада. Будучи участником почти всех крупнейших строек России, где вам только удалось не побывать. Вы работали в Забайкалье и в Заполярье, у Афганской границы и на Курской Магнитной Аномалии. И всетаки немного больше расскажите об этом этапе вашей жизни. Почему стройки, в качестве кого?

сто жительства, как и новая женщина, это – совершенно другая жизнь, которую начинаешь сначала. На мою долю выпало достаточно и того, и другого.

В армии я не остался, хотя мне предлагали следующее звание - старший лейтенант и квартиру в Чите. После службы я работал в Златоусте на строительстве нового электрометаллургического цеха, потом в Набережных Челнах на строительстве Камского автозавода, потом в Старом Осколе, Белгородской области, где сконцентрировались крупнейшие в мире месторождения железной руды под общим названием «Курская магнитная аномалия». Там работал начальником монтажного участка на строительстве Оскольского Электрометаллургического комбината, крупнейшего в мире. Его мы строили совместно с немецкой фирмой «Крупп». Я уже был главным инженером монтажного управления, когда меня назначили ответственным за сдачу крупнейшей в стране мощности по добыче руды на Лебединском горнообогатительном комбинате. Она была на контроле в правительстве, поскольку прибавляла треть всей мощности добычи руды в СССР.

За сдачу, как это было принято в той стране, отчитались к празднику, однако запустить конвейер я отказался, он не был готов до конца. Возник скандал, но нарушать технологию, которая грозила авариями, я не стал. Приказом тогдашнего министра монтажных и специальных строительных работ СССР Якубовского я был снят с должности. Собрал бригаду ребят и уехал на Север на строительство Ямбургского газоконденсатного месторождения. Это мы монтировали газораспределительные станции и начинали монтаж знаменитой газовой магистрали, которая сейчас питает Европу.

Кроме этого я работал в Нижневартовске на нефтедобыче, на строительстве радиорелейной станции в Азербайджане, восстанавливал системы водоснабжения в Ульяновске, после сильнейших морозов полгорода осталось без отопления. И во многих других местах.

Впечатлений, необыкновенных историй, огромного опыта столько, что сюжетов хватит до конца жизни. А тысячи встреченных на жизненном пути людей служат прототипами литературных героев.

Может быть, работал на Севере я и дальше, но начиналась другая эпоха та, о которой мечтал. Вернулся домой в Старый Оскол, организовал кооператив, который быстро вырос в акционерное общество – Строительномонтажный многопрофильный холдинг «Монтажник», где я стал Генеральным директором. В это же время встретился в Москве с Травкиным – тогда председателем новой Демократической партии России, мы с ним договорились о создании областной организации ДПР. Она была создана, но только не в областном Белгороде,

а с центром в Старом Осколе потому, что я там жил. Я и газету создал, и дом купил в центре города под офис областного комитета ДПР. А фирма моя все росла, уже около тысячи человек работало...

Лада Баумгартен: А где вам довелось поработать по журналистской стезе?

Владимир Рабинович: Собственно, я пошел на обучение этой специальности, чтобы научиться писать. То есть узнать все хитрости профессии пишущего, которые можно было познать только в Литинституте или на факультетах журналистики университетов. Писал я всегда, работал «внештатником» в городских газетах Набережных Челнов и Старого Оскола. Меня неоднократно приглашали в штат, но я не мог променять работу строителя, где быстро продвигался по карьерной лестнице и получал зарплату в три-пять раз большую, чем в газете.

Сидели как-то, выпивали с зав. промышленным отделом газеты «Октябрьские зори», куда я, чаще всего, сдавал свой материал. Он мне признался, что писать так, как я, он не может, да и большинство в редакции. И опять предложил перейти корреспондентом. А я ему ответил, что писать только то, что разрешено, я не способен. Все равно главный редактор, который сидит под контролем горкома КПСС, будет править мои материалы. Я уже тогда прекрасно понял, что в тоталитарной стране, которой являлся Советский Союз, свободных журналистов быть не может. Все свободные – или в тюрьме, или за границей.

Продолжал писать в газету до тех пор, пока не создал собственное предприятие. А «в стол» писал всю жизнь. И только в Израиле, когда появился интернет, я иногда разрешусь статьей на тему или комментарием. Тема, в основном, политико-социальная.

Владимир Рабинович: Начнем с названия. Почти все названия на Урале имеют татарскую природу. Так их назвали коренные жители этих мест до прихода сюда русских казаков и других первопроходцев. Они, эти первопроходцы, особо не заморачиваясь и приняли татарские названия. Ай - луна по-татарски, это - популярное название. Сам город Златоуст основан на реке Ай. А таган по-татарски – это такой железный обруч на ножках, типа треножника, под которым разводили огонь, на этот треножник подвешивали (или ставили на него) котел или жаровню. То есть он служил подставкой. Горы Таганая напоминают треножную подставку. Когда луна висит над горой, кажется, что гора служит для нее подставкой. Вот и получилось Таган - ай. Вообще, луна в верованиях татар и башкир играла роль большую, чем солнце. Это и отразилось в названиях.

Место это необыкновенно красивое, начинается прямо в городском районе Златоуста. Интересно другое –

Лада Баумгартен: И снова вернусь к Уралу, одним из красивейших мест которого считается невообразимый коктейль из бурных рек, каменных нагромождений и горной тундры — национальный парк Таганай или еще называемый «подставкой для Луны». Вы в молодости занимались поиском самоцветов. Значит, сам бог велел вам побывать в том месте. Случилось ли?

здесь я нашел первую жену. Многие годы мы, приезжая в Златоуст, бывали на Таганае, на прекрасных озерах Тургояк и Чебаркуль, в удивительном городе - Миасс, в столице художественного литья городе Касли. Оттуда я привез необыкновенной красоты литые композиции, до мельчайших подробностей передающие сбрую коня и черты лица всадника. Так и не смог понять старинную технологию мастеров-литейщиков. Конечно, нашел я жену не в Таганае, как таковом, и даже не в Златоусте, хотя жил там и работал. Это - очень необычный город, карабкающийся домами на горный хребет. И я много лет назад заметил, что здесь много красивых женщин. Почему? Не потому ли, что природа своим великолепием постепенно влияет и на внешнюю красоту. И причудливое смешение татар, башкир, русских и многих других национальностей дают совершенно непохожие, очаровательные формы лица и тела. В одном из рассказов я пишу об этой встрече.

«С будущей женой мы познакомились в небольшом уральском городке, где я был на практике после четвертого курса. Меня поселили в общежитие, в котором и она жила. Увидела симпатичного парня и зашла за чем-то в мою комнату. Зашла... и осталась. Мы были вместе два месяца.

Незадолго до отъезда я подарил ей тоненькую книжку стихов Юлии Друниной. Это были трогательные стихи о любви, слегка пропахшие пороховой гарью фронтовых дорог. На титульном листе я написал: "Если ты любишь такие стихи, у тебя должна быть чистая и нежная душа". Она бережно хранила эту пожелтевшую книжицу тридцать лет.

Когда закончилась практика и настало время уезжать, у нее случилось что-то вроде истерики: слезы и рыдания. Тогда вдруг откуда-то из глубины души всплыла отчетливая мысль, что я никогда в жизни не встречу женщину, которая бы так любила меня.

Ей было всего девятнадцать, я – на три года старше. Она уже начала делать карьеру после техникума, была умна и способна. Однако всю жизнь посвятила мне, перечеркнув себя ради моих амбиций и честолюбия.

Эта девушка оказалась неправдоподобно цельной натурой, фанатично преданной и искренней. Все годы, прожитые вместе, любила меня безумно, никого не замечая вокруг, другие мужчины для нее просто не существовали. Моя любовь от ее и десятой доли не составляла, но одинаково и не бывает никогда, это я понял значительно позднее. Такие женщины редко встречаются, как бриллианты чистой воды».

Жизнь, однако, делает иногда такие фортели, такие повороты, что все планы летят в тартарары. Прожив вместе тридцать лет, объездив пол-России, помесив

грязь на стройках, хлебнув сполна походного неустроенного быта, мы расстались.

Лада Баумгартен: Я читала, что в Таганае местные жители встречали снежного человека, не однажды наблюдали НЛО, путешественники попадали в петлю во времени, а совершенно здоровые в психическом отношении люди наблюдали странные видения. Вы что-то знаете об этом? Может быть, сами или знакомые стали свидетелями подобных аномальных явлений?

Владимир Рабинович: Непосредственно аномальные явления касаются скалы Трех Братьев. Это такие столбообразные скальные останцы, высотой около 40 м. Глядя на них, создается впечатление, что они сложены из больших гранитных пластин. Аномальные явления на научной основе не изучались, хотя рассказы о них ходят уже не одно десятилетие. Эти глухие места и необычная природа привлекали сюда старообрядцев, которые организовывали скиты и жили, минимально контактируя с внешним миром. Некоторые старообрядцы, жившие в районе скал Трех братьев, почитаются как святые.

По рассказам очевидцев периодически близ скальных останцев мерещатся полупрозрачные фигуры, слышатся странные звуки и удивляет вакуумная тишина и полное отсутствие какой-либо живности. Короче говоря, место весьма интересное, необычное и страшноватое.

Рассказывают о каких-то заметках из жизни отшельников-старообрядцев, которые содержали весьма интересные нюансы, к примеру, во время проведения религиозных обрядов близ Трех Братьев погода всегда менялась на более благоприятную, прекращался дождь. Так что можно смело говорить о том, что данное описание первое упоминание аномальных особенностей данной локации. Выдвигаются разные гипотезы о причинах аномальных явлений. Вот одна из них: в глубинах горных пород в районе Трех Братьев находятся огромные залежи инертных газов - гелия и радона, которые в результате тектонических процессов по трещинам и каналам в глубинных разломах могут выходить наружу, где, смешиваясь с атмосферным воздухом, разлетаются в окрестностях, при этом оказывая весьма специфическое воздействие на тех, кто подобного газа надышится.

Радон в небольших дозах оказывает лечебный эффект, однако при превышении допустимой концентрации вызывает головокружение, слабость и может стать причиной появления галлюцинаций. Более того, при соприкосновении радона с воздухом происходит локальное возмущение электромагнитного поля, в результате чего можно наблюдать легкую иллюминацию.

Интересна также гора Круглица – самая высокая точка Таганайского горного массива. Вершина ее голая и круглая, как шапка башкирская. На вершине горы атмосферное давление ниже на 100 мм, чем над уровнем моря, поэтому вода закипает при 96 градусах. В ясный солнечный день видно, как вершина горы качается. Объясняется это тем, что форма вершины обтекаемая, а близкое положение напорных подземных вод (под-

ножие Круглицы – это сплошное болото) создают эффект покачивания горы. Солнце, нагревая камни, увлекает своим теплом влагу из трещин, воздух становится прозрачным, легкоподвижным, и тогда кажется, что гора вот-вот готова оторваться от своего подножия.

Необыкновенно привлекателен Белый ключ, он считается одним из семи самых древних родников на планете. Расположен у подножия Двуглавой сопки. Мягкость воды родника выше, чем у талого снега, в ней почти отсутствуют минеральные соли. Дно высокогорного родникового ручья покрыто кварцитами, а потому как будто источает свет, и в солнечные дни красиво переливается. Однако чаще всего цвет кажется белым - отсюда и название «Белый ключ». Температура воды в источнике всегда очень низкая - даже в самую жаркую погоду не превышает 3-4 градусов. Любопытно, что раньше у этого родника было другое имя. Называли его «Святой Ключ». Дело в том, что издревле воде этого источника приписывали чудодейственную силу. Старообрядцы, жившие в этих местах, так высоко ценили ее целебные свойства, что лечились ею от самых различных болезней. А на одном из участков, где родник протекает, когда-то даже стоял большой деревянный крест. Этот «Святой ключ» находится совсем недалеко от Златоуста, в каких-то 5 км, потому там всегда много людей.

Владимир Рабинович: Приведу начало моего рассказа «Чудо Святой земли».

«В нашей жизни часто происходят чудеса, просто мы их не замечаем. А они окружают нас со всех сторон. Сама наша жизнь - чудо. И пусть нам кажется, что в ее зарождении, сохранении, а иногда и спасении участвует ограниченное количество людей, но это не так. Наш огромный мир похож на покрывало, сотканное из миллионов душ, где все они связаны между собой невидимыми нитями. И любое потрясение одной души всегда отражается в другой душе на противоположном конце этого покрывала, для которой не существует расстояний и времени. Мы вдруг узнаем о мистическом соединении нашей судьбы с иной судьбой, о человеке, сыгравшем огромную роль в нашей жизни. Да, о человеке, с которым по всем материалистическим законам мы не должны были встретиться - один шанс из миллиона. Но именно такой шанс выпадает нам. "Это невозможно, это мистика", - твердим мы, но для Провидения, для Всевышнего ничего невозможного нет. И Он нам не раз доказывает это».

Начну с отца. То, что выжил десятилетним мальчишкой в кровавом погроме 1905 года, когда трупы детей и женщин в беспорядке валялись на улицах и в домах. То, что вернулся с Гражданской живым и невредимым, ко-

Лада Баумгартен: А вот ваши слова: «Наблюдал множество чудес и необыкновенных совпадений в своей жизни, к которым самолично приложил руку». Интересно было бы узнать и об этом. Расскажите о чудесах.

гда смерть каждый день собирала на полях сражений свою обильную жатву. То, что удалось вырваться из сталинского лагеря смерти, в котором пребывал с тридцать седьмого по сорок первый, когда почти все заключенные оставались там навсегда.

Перед войной мать работала в прокуратуре города Витебска. С первых дней войны прокуратуру превратили в военный трибунал, судивший многочисленных дезертиров. 10 июля 1941 немцы начали штурм города. Отец послал сыновей на вокзал, наказав подождать там его. А сам ожидал жену, находящуюся на заседании, судили дезертира. Но мальчишки, не дождавшись, упросили какого-то знакомого взять их с собой. Наконец, наступил перерыв, отец убеждал мать скорее бежать на вокзал, над городом гремела канонада.

- Я не могу уйти, меня расстреляют, время военное, отвечала мать, нам обещали, что всех эвакуируют.
- Через пару-тройку часов уже некому будет расстреливать, - уговаривал отец.

Наконец, потеряв терпение, он силой потащил мать на вокзал. Последний эшелон с железнодорожниками и саперами, которые должны были взрывать за собой пути, стоял под парами. Через 10 минут он отправился... Это ли не чудо? Через несколько лет мать узнала, что военный трибунал был расстрелян немцами в полном составе.

А то, что в тяжелые военные годы родился у него младший сын, когда самому перевалило уже за пятьдесят?.. Как мог выжить ребенок, родившийся в эвакуации в сыром и холодном ноябре раньше срока, весом всего 750 г, в военном году, когда продукты были по карточкам, а молока и вовсе достать невозможно. Когда дом насквозь продувался, а печь, которую топили сырыми от дождя досками, совсем не грела.

И это только начало жизни. Чудес в моей жизни (да, наверное, и в любой) очень много. Я с детства несколько раз был на краю гибели, может быть, потому, что был резким и решительным, всегда шел впереди, потому что привык брать на себя самую тяжелую ношу, нести за все ответственность, а не прятаться за углом.

Вот случай — кусочек из рассказа. Находясь в пионерском лагере, я подговорил двух дружков во время «мертвого часа» сходить набрать кедровых шишек. Мы изготовили в столярке молот для ударов по стволу, после которых шишки должны были падать.

Когда все угомонились и заснули, мы выскочили из палаты и направились в лес. Молот удался на славу, но получился тяжелым. Бревно – сантиметров двадцать в диаметре – было прикреплено к рукоятке из цельного ствола тонкой березы. Полиэтиленовых пакетов еще не выпускали, их заменяли полотняными. Молот тащили

по очереди и порядком устали, пока добрались до кедров. Кедры, как и сосны, – деревья высокие, двадцатьтридцать метров. Мы поднимали молот вдвоем и били им по стволу, но шишек падало мало. Сил у одиннадцатилетних пацанов не хватало, и вскоре мы выдохлись.

- Ну, и что теперь будем делать? - спросил Ленька.

Мы лежали на траве под высоким деревом, рядом валялись молот и тощий мешочек с шишками. Я понял, что вопрос адресован ко мне – кто затеял всю эту экспедицию. А поскольку меня все считали человеком ответственным, значит, и за результат должен отвечать я. Спасительная мысль пришла мне в голову не сразу.

- Я полезу на дерево, буду сшибать шишки, а вы внизу собирайте.
- Хорошо, с готовностью согласились остальные. В нашем возрасте все уже умели лазить по деревьям и знали, чем грозит неосторожное движение на высоте в тридцать метров.

Я полез на дерево. Шишки росли на самых концах веток, в двух-четырех метрах от ствола. Я шел по ветке, чтобы продвинуться как можно ближе к ее краю, держась для равновесия за ветку, росшую выше. В руках у меня была короткая палка, чтобы можно было сшибать ею шишки, не подходя к самому краю ветки, где она была уже очень тонкая. Поднимаясь все выше по стволу, мне удалось сшибить достаточно много шишек. Ребята внизу собирали их. Но в какой-то момент – то ли я подошел слишком близко к краю, то ли очередная ветка была с гнильцой, она обломилась.

Слава советскому швейпрому! Меня спасли брюки, обыкновенные широкие «лыжные штаны», в которых тогда ходила вся советская молодежь. Я зацепился ими за ветку, которая росла ниже. Чудом извернувшись, сумел, перехватывая руки, подтянуться к стволу. И уже стоя около ствола и обхватив его дрожащими руками, почувствовал страх того, что могло сейчас произойти.

На подгибающихся ногах спустился с дерева. Ребята смотрели на меня, как на вернувшегося с того света. Мы договорились, что об этом никто из старших и, тем более, родителей, не узнает. И договор сдержали. Шишки принесли и спрятали в яме за столовой.

Едва успели к окончанию «мертвого часа». Только залезли под одеяло, как горн заиграл побудку. После ужина, когда всем отрядам предоставляли свободное время, разожгли далеко за лагерем костер и варили шишки в старой кастрюле. Орешки, добытые своими руками, были особенно вкусны.

Этот случай глубоко запечатлелся в моем сознании откровенным ужасом. За всю последующую жизнь я лазил на дерево всего несколько раз в неотложных ситуациях.

Лада Баумгартен: А о чем еще вы пишите в своих книгах?..

Владимир Рабинович: Я пишу повести, рассказы, новеллы, миниатюры, зарисовки, юморески, мысли и афоризмы, эссе, иногда стихи. Последние редко, потому что поэтом себя не считаю. С годами и, вообще, пришел к выводу, что поэтами рождаются, а не становятся. Можно приобрести опыт и знание о том, как писать, можно «набить руку», стать чуть ли не профессионалом, но не Поэтом. Прочитав стихи какого-нибудь автора один раз, я непроизвольно решаю – стоит ли читать другие его вирши. Поэтому для себя очертил круг тех, кого читаю с удовольствием, он, этот круг, весьма невелик.

В последние годы пишу в основном романы. Поскольку знаю, что писать надо правду, и признаю только такое писание, сочинять что-либо о современности мне трудно. Израильской ментальности я не получил и уже не получу, а от российских реалий оторвался за 17 лет жизни в Израиле. Поэтому книги мои исторического и военно-исторического плана, причем история в них, как давняя, так и близкая.

Историческая проза популярна, особенно, если написана хорошо. Но, чтобы понять это, надо эти книги прочитать, а тираж в тысячу экземпляров – это практически ничего для многомиллионного населения. Здесь претензии у меня к издателям, но я сейчас углубляться в эту тему не хочу.

Над романом-дилогией, изданным ранее, я работал три года, просидел тысячи часов за компьютером, прочитал и изучил сотни документов и текстов, относящихся к эпохам, о которых писал. Получилась прекрасная книга, и это не только мое авторское мнение (хотя я к своим вещам отношусь более критично, чем читатель). И что мне сделать, чтобы мои книги прочитали десятки, сотни тысяч? Это может сделать издательство, если посчитает нужным, но в 90% случаев, за исключением всего нескольких, издатели этим утруждаться не желают.

Я прекрасно осознаю свое место и свой уровень, но как мне донести свои труды до читателя? Неужели ждать смерти... да будут ли вообще читать что-либо следующие поколения, кроме сообщений в телефоне?

Владимир Рабинович: Этот вопрос вызвал у меня улыбку. Я даже никогда не думал об этом и писателем становиться не собирался. Вот бизнесменом – да, думал и собирался. И стал, в конце концов. Но, к сожалению, и это оказалось не мое, хотя и достиг многого в этом качестве.

Прожив уже основную часть отведенного мне времени, я пришел к мысли, что всю жизнь занимался не своим делом. И мне от этого стало страшно. Но, поразмыслив в спокойном состоянии, и зная, что ничего случайного в жизни не бывает, решил, что не будь у меня

Лада Баумгартен: Скажите, пожалуйста, когда и почему вы решили стать писателем? строительно-психологического опыта, не будь тысяч встреч и вереницы городов и мест, в которых довелось жить; не будь тех обстоятельств, иногда смертельных, в которые меня ставила судьба, я ничего дельного написать бы не смог.

Лада Баумгартен: Владимир, ваше отношение к Международной гильдии писателей – каково оно?

Владимир Рабинович: Кроме МГП, я член еще трех писательских союзов. Ну и что? Да ничего, я давно уже член номинальный. Международная гильдия писателей значительно выделяется на этом однообразном фоне.

Конечно, в большинстве случаев писатель работает в тишине и одиночестве, нельзя в базарном шуме и гаме создать что-либо значительное. Но соизмерять себя с другими, обмениваться опытом, представлять свое место в этом меняющемся мире – необходимо. И самое лучшее для этого – писательская «тусовка». Виртуальное общение, какого бы уровня оно сейчас не достигло, никогда не заменит живого, реального, близкого. Не заменит голоса, взгляда, походки, морщинок и животика, смены настроения, отражающегося на лице, смеха и печали, радости и недовольства.

Природа создала нас живыми, и только от живого мы получаем знания и вдохновение, стимул для работы и дружеское плечо для поддержки. Очень важно знать, что ты не один в этом литературном мире, что есть люди, которые тебя понимают, и которых понимаешь ты.

Я очень ценю огромную организаторскую работу, которую приходиться проделать, чтобы собрать несколько десятков таких разных по возрасту и подготовке людей из разных стран и регионов. Придумать и практически воплотить в действие различные программы встреч и поездок – задача не простая, и честь и хвала тем, кто успешно с ней справляется.

Несомненно, Международной гильдии писателей есть куда развиваться, столько нового и интересного ждет впереди организаторов, уже имеющих опыт. Думается, что МГП превратится в солидную организацию, имеющую государственную и частную поддержку, собственный бюджет и грандиозные планы на будущее.

Лада Баумгартен: О чем вы мечтаете?

Владимир Рабинович: Вообще-то мечта – это первое приближение к тому, что ты хочешь иметь или каким ты хочешь стать. На этом функции мечты заканчиваются и от мечтаний надо избавиться. Пора переходить к намерению. Что такое намерение? Это – стремление желать и действовать. То есть реальные шаги к воплощению мечты. В противном случае – само мечтание не имеет смысла. Я действую над тем, чтобы писать все лучше и лучше, я открываю для себя новые знания в области влияния на человеческие эмоции. Я работаю над совершенствованием личностных качеств. Учу языки, но не настойчиво, не в ущерб основному занятию.

Жизнь прекрасна! (Моё еврейское братство)

Ольга Равченко, член МГП К фестивалю «Земля Обетованная»

Израиль для меня – историческая Родина многих из тех, с кем прошло мое детство.

Мне не довелось общаться с Ройтшванецами по вине Фенечки Гершанович.

Девяноста лет спустя после выхода в свет романа «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца» Ильи Григорьевича Эренбурга¹ «в Гомеле, в культурном отношении мало чем отличающемся от столицы», воздвигнут не памятник «мужескому портному из самого обыкновенного Гомеля», а две самых дорогостоящих монолитных общественных уборных – на набережной протяженностью два с половиной километра. Центральную площадь и привилегированные улицы города сегодня измеряют куботуями²...

В 1956 году мой папа привез нас из Майлуу-Суу Ленинабадской области Киргизской ССР в еврейский по сути белорусский город Гомель. Папа поступил в Школу мастеров десятников, а мама – донская казачка, учительница начальных классов устроилась весовщиком на мясокомбинат. Квартиры у нас не было. Детсада для меня и сестры тоже. Сестру отправили в Ростовскую область к маминым родителям, а меня в деревню Беседь Ветковского района – к папиным. Я начала говорить на чистейшем белорусском языке. Мама меня не понимала и плакала, поскольку боялась, что я никогда не выучу русский.

В самом центре Ново-Белицкого района было две школы: 2-я – русская и 4-я – белорусская по сути еврейская. Сливки общества шли в русскую, где директором был Владимир Федорович Богданович.

Директор белорусской школы Вильгельм Игнатьевич Россинский понимал, что из-за языка, на котором ведется преподавание в его школе, он теряет элиту, и открыл «под нашу маму» первый русский класс, в кото-

рый из близлежащих домов хлынули преимущественно дети военных и евреев.

Меня забрали из деревни и оставляли дома одну. Я слушала радио, пела во все горло песню про маму: «Ах, Таня, Таня, Танечка!», – играла с хорошими игрушками и прыгала с платяного шкафа на кровать с панцирной сеткой вплоть до маминого прихода.

Крыша дома текла, после дождя вдоль одной из стен собиралась лужа, и я боялась, что ночью в нее может упасть моя кукла. И таки падала! Иногда мама брала меня с собой на работу, поскольку хозяйка не одобряла моего времяпрепровождения.

1 сентября один из маминых учеников не пришел в школу. Родители подумывали забрать документы мальчика, так как он был временно прикован к постели. Мама стала обучать ребенка на дому, а Туся Наумовна, его мама, иногда брала меня, трехлетнюю, на время уроков к себе. Так я попала в дом, с которым связана часть моих детских воспоминаний.

Дом был съемный, с роскошным садом и просторной застекленной верандой, в центре которой стояли накрытый скатертью круглый стол и стулья с льняными чехлами. Туся Наумовна предложила мне на завтрак какао с пирогом (или печеньем) и поставила передо мною блюдце с большим наливным яблоком... Я на всякий случай яблоко есть не стала: во-первых, красивое, во-вторых, наверняка пропитано ядом, по Александру Сергеевичу Пушкину:

И к царевне наливное, Молодое, золотое,

Прямо яблочко летит...

Я унесла яблоко домой, долго с ним играла, а затем с маминого разрешения бесстрашно съела. В то время я проживала сказки как реальность.

Вкус какао запомнила навсегда. Магическое слово «форшмак» – тоже. Мои любимые яблоки – наливные.

После Нового года мамины родители написали, что моя шестилетняя сестра Тамара ходит школу, в связи с чем мама на каникулах поехала и забрала ее – в свой переполненный класс. Помню, как ставили для Тамары парту – едва ли не впритык к классной доске.

Не секрет, кем было подавляющее большинство учителей в школе у польского еврея. Все они во мне души не чаяли, равно как и технички, под чьим чутким руководством я гуляла в коридорах среди деревянных кадок с гигантскими фикусами, вдоль развешенной на стенах наглядной агитации, мимо копии картины Ивана Константиновича Айвазовского «Девятый вал»; играла на ступеньках лестниц — широких, пологих, каменных, стертых, с отполированными временем и руками длинными тонкими деревянными перилами... Переменку проводила в классе, чтобы дети случайно не затоптали. Я боялась толпы.

Если педсовет затягивался, вахтерша вела меня в кабинет директора, сажала за письменный стол, снабжала карандашами и бумагой. Пару раз я засыпала, положив голову на боковой валик черного кожаного дивана с высоченной спинкой, обитой декоративными латунными гвоздиками. Я казалась себе Машей в гостях у Михайлы Иваныча и боялась, что он войдет и спросит: «Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?!»

Жену Вильгельма Игнатьевича звали Фаина Ефимовна.

Учеников в мамином классе я знала поименно и радовалась, когда мама ставила им «пятерки». Они стали школьными друзьями Тамары, которая была сродни молнии, – и теперь я была еще больше в курсе их классных дел.

Через год Валентина Васильевна Шилина, заведующая «Изоплитовским» детсадом и мама маминого ученика, взяла меня к себе подпольно, а кто-то сообщил об этом «куда следует». Нашу группу в срочном порядке завели в ее кабинет. Все дети пришли со своими стульчиками, но до этого в кабинет тайком впустили меня, без стульчика, и велели залезть под письменный стол, чтобы меня никто не нашел. На белую дверь кабинета проецировали диафильм о противопожарной безопасности: «Ищут прохожие, ищет милиция, ищут фотографы. В нашей столице...» Вдруг открылась эта самая дверь, кто-то вошел, включил свет, посчитал детей по головам и вышел.

Я добросовестно сидела под столом, пока меня оттуда не извлекли и не усадили на диван заведующей, который был попроще, чем у Вильгельма Игнатьевича, но позволял свысока смотреть на детей, скромно сидящих на стульчиках. После экстремального просмотра «Рассказа о неизвестном герое» меня официально определили в группу, где я обрела новых друзей из стана евреев.

Илюша Шишкин был моим мужем в ролевой игре, и ему здорово от меня доставалось: я ругала и «шкуматала» его за то, что пришел домой пьяным, – как это делали женщины в бабушкиной деревне. Наш «брак» распался: мало того, что Илюша Шишкин не заслуживал подобного с моей стороны обращения – он не знал паттернов поведения нетрезвого мужа: он был красивым, умным, добрым, скромным, воспитанным мальчиком.

С Илюшей у меня ассоциируется песня «Сумерки», под которую мы танцевали на вечеринке у него дома 1 января 1971 года. Мы не виделись практически со времен детского сада, а собрал нас Аркаша Этлин.

Одно из самых ярких воспоминаний начальной школы – Лена Тамаркина. В то время

HOBЫЙ РЕНЕССАНС 1/35-2019 25

меня не интересовали ее мощные семейные корни и матронимическая еврейская фамилия. День рождения Лены отмечали 8 марта. В 1964 году в честь Валентины Владимировны Терешковой (родившейся 6 марта 1937 года) по телевизору показывали документальный фильм, который с интересом смотрели все гости и домочадцы, а Лена тайком провела меня в спальню, открыла стоявший под кроватью огромный чемодан и молча предъявила его содержимое. Что это маца, я догадалась, равно как и поняла, что об этом никто не должен знать. Мы молча вернулись в зал, и я точно помню, что среди подарков была книга «Волшебник Изумрудного города», и я тут же погрузилась в чтение, чтобы не встретиться глазами с кем-нибудь из Тамаркиных.

Дома и во дворе я никому про тайник не сказала, хотя дворовые старушки пугали: в мацу добавляют кровь младенцев. К этой теме я невольно возвращалась, вспоминая другую *схованку: начоўкі* – большое жестяное корыто под кроватью у собственной бабушки, в котором готовился солод...

Помню выездной показательный районный суд, на котором рассматривали дела беседских самогонщиков и дедушкино дело – о потраве коровой колхозного поля. Самогонщикам дали штраф, а дедушке вынесли общественное порицание. Он долго потом сокрушался: «Людям – штраф, а мне – общественное порицание?!» На самогоноварении дедушка ни разу не попался, а я усвоила, что общественное порицание – хуже любого штрафа...

В первом мамином выпуске была отличница с редкой еврейской аристократической фамилией. Ее папе, занимавшему пост, в начале шестидесятых назначили высшую меру. Мы с мамой пришли разделить неутешное горе. Не плакал даже младший брат девочки. Я ощутила весь трагизм происходящего.

В первом классе у меня появился учитель музыки – Вильнер Феликс Евсеевич. Я мечтала играть на фоно, а всучили мне скрипку. Четыре года я ассоциировала себя со стойким оловянным солдатиком, поскольку все мои одноклассники давно музыку бросили.

Я сказала зав. поликлиникой Ольге Юрьевне, что умру, если меня приговорят к пожизненной игре на скрипке, и она спросила маму: «Таки ждете?!» А я маму утешила:

«Хорошо хоть Феликс Евсеевич на моей голове инструмент не разбил: продать можно...»

Будучи взрослой, я подошла после концерта к маэстро. Он обрадовался, передал привет маме, в детстве водившей меня в театр смотреть на него в оркестровой яме, считая, что это поможет привить мне любовь к музыке, хотя я запоминала текст и мелодию любой песни с первого предъявления. В антракте я призналась Феликсу Евсеевичу, что давно хожу на концерты, но боялась к нему подойти. Он удивился: «Разве я кусаюсь?..» Вроде нет, но упорно ходили слухи, будто скрипку моего одноклассника и друга по несчастью маэстро хряснул с размаху о тумбочку...

Мне очень дорого стихотворение Карлоса Григорьевича Шермана «Своею дорогой», поскольку, как и он, я не только играла на скрипке, но и училась рисовать и посещала театральный кружок (которым руководила Берта Владимировна Берлина).

Были в мамином классе Яша Коренблюм и Миша Болотный. Яша закончил институт кинематографии, женат на донской казачке, живет в Германии.

Миша – в Сан-Франциско. Увидел мое аутентичное фото в «Феррари» и порадовался, хоть там ясно написано: «Дали сфотографироваться». Миша водит самолет. Он записал, в том числе для меня, попурри из песен ансамбля «Синяя птица», включая «Гомельскую»: «Там, где клен шумит...»

Тогда же, в юбилейный год их выпуска, Миша Вильнер сделал видеоролик, в который включил и меня. Прежний капитан сорви-голова, при этом отличница – моя сестра к тому времени с головой ушла в религию. Миша восхитился моей памятью, когда я через много лет описала ему мельчайшие подробности из жизни их класса в начальной школе.

В ноябре 59-го в моей жизни появились соседи – преимущественно евреи. Мы жили в одном дворе по Ильича, 14 и Международной, 12. Жили дружно – одной семьей. Пели «Крутится, вертится шар голубой», «Тумбалалайку» и «Старушка не спеша...». В детстве я не знала, откуда выражение «Хая – бледная, худая».

Верхины жили в квартире над нами, и когда проводили газ, в углу в потолке газовики пробили отверстие под трубу. Мы с Ритой устроили «подъемник»: передавали друг другу

в спичечном коробке лакомства. Пока мы обдумывали более серьезную систему передачи, газ провели.

Нашу маму называли «Победа Ивановна». Дочь врага народа, она надеялась исключительно на себя. В Средней Азии, где служил мой отец, у нее были ученики самых разных национальностей. Мама была строгой, но ее любили. Если она сердилась, то сжимала губы, хмурила брови и всем своим серьезным безмолвным видом показывала, как дети должны сидеть на уроке.

Был у мамы коллега – учитель пения Михаил Александрович Шмуйлович, вместе с которым она заочно закончила филфак университета, имея взрослых дочерей. Я таила обиду на Михаила Александровича. Однажды в День учителя к нам пришла компания, включая мою первую учительницу Евдокию Георгиевну Журову, и я, первоклашка, весь день провозилась с *драниками* исключительно для нее: из кухни носа не высунула.

Гости ушли, и я робко спросила, понравились ли Евдокии Георгиевне мои *драники*, на что мама живо ответила: «Все до единого Мишка поел!»

Михаил Александрович был добрым, оптимистичным, равно как и мои учителя русского языка и литературы Розалия Григорьевна Фарбер и Григорий Львович Старосельский.

В шестом классе мальчишки натерли Розалии Григорьевне стол чесноком. Я на перемене где-то проболталась, в класс влетела буквально перед носом учительницы, и когда разгневанная Розалия Григорьевна спросила: «Кто это сдевав?» – все встали, включая меня, вставшую для приветствия, а вернее, еще не успевшую присесть за парту.

Учительница подбежала ко мне и, глядя в глаза, спросила: «И ты это девава? Ты же вбежава в квас посведней!»

Я поняла, что совершила какую-то подлость. Двое в классе не встали. Иногда думаю, встала ли бы я, если бы знала, кто и что тогда «сдевав»?

Григорий Львович декламировал: «Она не родила, но по расчету. По моему: должна родить...», – и, сделав многозначительную паузу, обводил взглядом класс.

Или: «В уединенной тишине давал уроки при луне...»

Оживлялся исключительно второгодник Саша Холопенко. В восьмом-то классе?! Я запомнила интонацию Григория Львовича и реакцию Саши. Суть дошла много лет спустя.

Я воспринимала уроки Григория Львовича как мини-спектакли – настолько он был выразителен и мастерски владел словом.

Розалию Григорьевну обожала! Она знала все стихи наизусть и призывала следовать ее примеру, но покинула нас сразу же после вышеописанного инцидента.

О Якове Борисовиче Хавине мои самые лучшие воспоминания про учебу в седьмомдевятом классах. Сейчас ему – 90! У нас он вел физику, а в параллельном классе был, кроме того, классным и руководителем фототуристского кружка.

Яков Борисович взял меня после окончания восьмого класса в поход в Крым и назвал «овцой, которая все стадо портит», хотя в историю с донбасскими мальчиками мы с Лелей Шабайловой и Валей Куколевой влипли из-за Тани Голубевой (в замужестве – Шур), а не изза меня. Таня предложила поиграть с чужими мальчиками в волейбол на ЮБК, а конкретно – в Учкуевке. Яков Борисович отчитал меня по первое число! Я не отпиралась. Донбасские мальчики были хорошие, но Яков Борисович возмутился, потому что мы изменили своим ребятам.

Яков Борисович с седьмого класса организовывал для нас «Огоньки» и доверял ключи от фотолаборатории. Он заведовал радиорубкой, запускал на вечерах сделанный собственноручно зеркальный шар, организовал радиогазету, оформлял фото-стенды. Он воспитал целую плеяду фотографов и туристов, а также людей (согласно моей классификации – отличных от нелюдей). Он разгромил песню «И не то чтобы да...» – в надежде развенчать любимца публики Женю Кирикова, ставшего профессиональным музыкантом...

Историю нам преподавала Клара Харитоновна Меерович, с улыбкой приговаривавшая: «Я не мстительна, но я злопамятна...». Белорусскую литературу вела классный руководитель моей сестры Дора Львовна Дадиомова. От изучения белорусского языка тогда отказывались все поголовно.

По иронии судьбы, закончила я 2-ю школу. Боря Подольский, с которым училась в параллельных классах только год, пишет мне, а его супруга, Лора Раберова, с которой девять лет училась в одном классе в 4-й школе, лишь изредка передает мне приветы.

Однажды я упрекнула Борю: «Весь день у компа, а на сообщения не реагируешь!» – на что он ответил: «Мы – в бомбоубежище...» А лет десять назад Боря упрекнул меня – за мою казалось бы невинную фотографию с дамасскими мальчишками на фоне Мечети Омейядов: «Они в нас стреляли»...

Гену Зарайского в десятом классе окружал ореол тайны: Нина Марковна Иванченко – классная, математик – время от времени спрашивала: «Ну, решился?» Гена молча опускал глаза, и я сочла, что вопрос означает: «Эмигрируешь? Остаешься?» Возможно, так думала только я, потому что – новенькая...

На праздновании 90-летия школы я осмелилась спросить, что это было, и Гена расска-

зал, что в девятом классе у него произошел конфликт с учительницей биологии. Она поставила ему итоговую «двойку», год ждала извинений и не соглашалась на переэкзаменовку. Гена получил аттестат вместе с нами.

Совсем недавно знакомый юноша ничтоже сумняшеся предложил мне пройти проводившийся в синагоге кастинг для участия в массовке фильма, и я вспомнила трагикомедию Роберто Бениньи «Жизнь прекрасна» (1997) – итальянский вариант нашего Лазика Ройтшванеца, жена которого, не будучи еврейкой, но желая разделить судьбу мужа – Гвидо и пятилетнего сына – Джозуэ, добровольно отправилась вслед за ними в концлагерь.

Название фильма навеяно последним абзацем завещания Льва Давидовича Троцкого: «Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения освободят ее от всякого зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне⁴».

С дочерью Льва Семеновича Выготского – Гитой Львовной Выгодской – я познакомилась в преддверии 100-летнего юбилея создателя культурно-исторической теории и даже спела с нею по ее просьбе «Мурку». Гита Львовна Выгодская родилась 9 мая 1925 года в Гомеле, в доме родителей отца, который к тому времени уже больше года работал в Москве. Она стала свидетелем не только сжигания на костре его книг (и спасла несколько экземпляров), но и видела триумф его идей. 13 июля 2010 года Гиты Львовны не стало.

«По положению дел на начало XXI века оригинальный замысел Λ . С. Выготского так и не был реализован, а интегративная "вершинная психология" человека в его социо-биологическом развитии так и не была построена». (Википедия).

- ² «Многие деревья в центре страдают от использования в целях безопасности дорожного движения песко-соляной смеси. Поэтому разработана концепция использования для озеленения выносных чаш с деревьями и цветами, поделился Виктор Кулаго. Это, конечно, не исключает посадки деревьев». («Гомельские ведомости» от 22 ноября 2018 г. Виктор Кулаго генеральный директор КПУП «Гомельское городское ЖКХ»).
 - 3 Рвать или стремиться разорвать на куски.

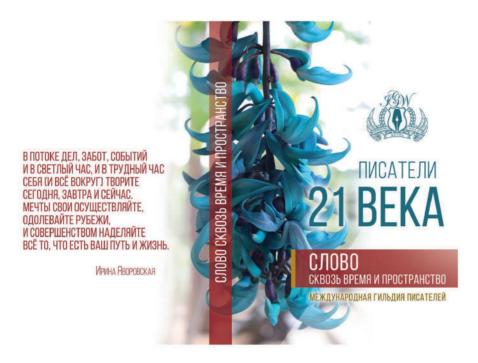
НОВЫЙ РЕНЕССАНС 1/35-2019

¹ Илья Эренбург был знаком с братьями Выготскими. В 1925 году он полгода жил в Гомеле и выступал с лекциями о мировой революции. Широко известный во многих странах мира сатирический роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца» (1927) был запрещен в СССР и вышел лишь в 1989 году. Помимо «самого обыкновенного Гомеля», на написание «непроходного» романа писателя вдохновили как минимум два источника: «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» Ярослава Гашека и «Хасидские предания» – два тома легенд в художественном переложении Мартина Бубера, собиранию которых философ посвятил много лет.

^{4 27} февраля 1940 г.

Слово сквозь время и пространство

STELLA представляет

Приобщение к традициям и духовной культуре через СЛОВО

Духовное развитие человека - процесс, включающий в себя намеренную эволюцию личностных качеств, которая заключается в совершенствовании внутреннего мира ради рационального взаимодействия его с внешней средой. По сути, оно становится актом интеллектуального самосовершенствования. В результате, на основе сравнения своего опыта с великими историческими достижениями в разных сферах, осмысливается собственное предназначение в этом мире, вероятность занять в нем достойное место.

Исчерпывающего определения духовности, способного убедить в ее практической необходимости, не существует. Ясно только одно: человек, лишенный духовного потен-

циала, не окажет благотворного влияния ни на развитие общества, ни на счастливое определение собственной судьбы.

XXI век бездуховности и эгоизма. Современное общество заражено этим явлением повсеместно, но мало кто бьет тревогу и ищет лекарство. Подчас создается впечатление, что эгоизм - это не естественное явление вроде обычной вирусной эпидемии, а своего рода оружие массового уничтожения, искусственно насаждаемое в обществе с разрешения правительств и международных организаций. Эгоизм - это дистрофия духовности. Однако общество эгоистов стопроцентно съест само себя, потому как каждый человек превратится в маленькую раковую опухоль, не оставив ни единой здоровой клетки, способной выжить. Не стоит говорить, что «заражение» идет на уровне каждого сознания в отдельности, ибо с

раннего детства в людях культивируется эгоизм как норма поведения. Кто-то возразит, что это не так, что существуют и духовное воспитание, религия, воскресные школы, культурные традиции и просто нравственные люди-учителя, передающие свой бесценный опыт. Но обводя взглядом все человеческое общество в целом, становится ясно, на чьей стороне перевес. Высокодуховных людей, продвигающих в массах идеи альтруизма, гуманизма, любви и сострадания никогда не было много, но именно сегодня таких людей вообще мало.

Лозунги типа «бери от жизни все», «живем один раз», «лучше извиняться, чем просить разрешения» - показатели современных нравственных ценностей. Возможность объединиться или действовать сообща в таком мире почти отсутствует, человек человеку волк - вот новая политика. Карьеризм, грязные технологии и «черный пиар» стали привычным явлением. И касается это не только людей по отдельности, но и целых государств. Некоторые государства на изломе веков и вовсе перестали существовать, погрязнув в гражданских войнах, намеренно провоцируемых с помощью национальных противоречий.

Разумный эгоизм, проявлявшийся еще в прошлом веке, когда страны заключали союзы и учитывали расстановку политических сил в мире при разработке собственной стратегии, ныне померк. Открытые нападения, необоснованное вмешательство в чужой суверенитет, повсеместная торговля оружием, нарушение ранних договоренностей, невыполнение обязательств и двойные стандарты – вот плоды эгоизма на самом высоком уровне.

В разрезе борьбы за мировые ресурсы возникла в наивысшей степени эгоистическая теория «золотого миллиарда». В 70-е годы прошлого века было заказано крупное исследование, которое показало, что ресурсов на нашей планете хватит только на один миллиард человек. Заказчиком исследования был так называемый «Комитет 300», представляющий 300 самых богатых и политически влиятельных семей мира. В этот привилегированный миллиард члены Комитета включили население США, Канады, Западной Европы, Японии и Израиля. И в соответствии с этим были разработаны программы по сокращению населения стран, не вошедших в этот список. Программ вполне официальных и действующих, включающих не только ограничение рождаемости, но и почти не замаскированный геноцид. Политика ограничения рождаемости официально применялась в странах третьего мира - Индии, Иране, Сингапуре; в Китае она была отменена только в 2016 г.

В XXI век человечество вошло разобщенным и полным взаимных подозрений. Но, тем не менее, пропитанное эгоизмом общество, хотя и понесло огромные потери, еще не подошло к своему краю. Массовой культуре, прославляющей эгоистический образ жизни и бездумное потребительство, противостоят многие люди - как известные, так и нет, - общественные организации и представители мировых религий, оставшиеся верными изначальным идеалам человечности и сострадания. Чью правду принять и в какую сторону двигаться - выбор, который должен сделать каждый индивидуально, и желательно до того, как грянет очередная катастрофа.

Эгоизм – проблема духовного характера. Задаваясь вопросом, как бороться с эгоизмом, многие сразу представляют себе семинары и тренинги, визиты к психологу, различные программы, расписанные по дням, но эгоизм – черта характера, присущая всем людям изначально, поэтому «разовая терапия» здесь не поможет. Искоренять эгоизм человеку придется долго и основательно, потратив на эту борьбу всю свою жизнь.

Есть два пути совладать со своим эгоизмом – путь ума и путь духа. Первый подразумевает осознанный самоконтроль, постоянное напоминание самому себе о том, что невозможно отделиться от общества и удовлетворять свои амбиции без оглядки на окружающих. Второй – более тонкий и предполагает развитие у человека духовных качеств: щедрости, доверия и открытости, сорадования (умения

радоваться успехам других) и т. п. Первый способ не сумеет искоренить эгоизм окончательно, но для людей прагматичных, неэмоциональных и с интеллектуальным складом ума он поможет найти оптимальный баланс между своими притязаниями и правилами социума. Второй же способ более эффективен, но человеку потребуется пересмотреть свое мировоззрение и измениться внутренне, совершить революцию сознания, а это не каждому под силу в одиночку. Но в кругу сотоварищей, единомышленников нет ничего невозможного. Именно поэтому мы проводим мероприятия, подобные Пражской ассамблее, устраиваем тематические обсуждения, семинары и конкурсы, направленные на осмысление себя и своего пути в этом мире. Поэтому выпустили эту книгу, не как конечный результат, а как одно из звеньев в общей цепи под девизом: «Измени себя, и окружающий мир изменится». В рамках этой концепции кто, как не писатели, в первую очередь могут влиять и направлять человеческие умы в заданном русле?..

В связи с этим очень показателен итог одной из ведущих номинаций творческих состязаний, состоявшихся под эгидой Литературной ассамблеи «Хранители наследия в действии», организованной в Праге в 2018 году, номинации, где авторы представили произведения ДЛЯ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ. А по итогам самой Ассамблеи в качестве ГРАН-ПРИ параллельно была

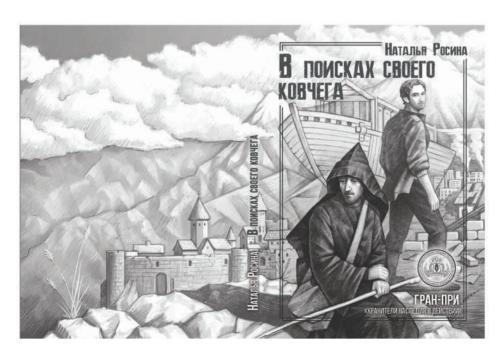
выпущена книга Натальи Росиной «В поисках своего ковчега», в основе которой повесть о духовных исканиях людей, задающихся вопросами истинности бытия и подлинных жизненных ценностей. В ней две сюжетные линии, разделенные временем, но связанные одним духовно-философским символом – Ковчегом, который выступает как символ духовного спасения и возрождения, примирения с Творцом.

Что может примирить враждующих, очистить их сердца от нетерпимости и злобы, заставить сложить оружие ненависти и розни?

Средневековый монах из армянского монастыря одержим мыслью объединить в единую веру все враждующие между собой религии. Он отправляется на поиски затерявшегося во льдах Арарата Ноева ковчега, который, как думается ему, каким-то чудом поможет примирить между собой всех верующих. Но потратив много сил и времени на поиски древнего судна, вместо ожидаемого исхода он получает божье откровение, изменившее его прежние замыслы...

Вопросами первопричин всех бед и зол человечества задаются и современные герои. Разрушительная волна ненависти и злобы, захлестнувшая Украину, выбросила многих ее граждан за пределы страны. Став изгоями, герои повести ищут возможности не только физического выживания, но и духовного спасения.

В повести автор затрагивает проблемы отношений людей между собой и отношений человека с Богом. Через своих героев и их жизненные ситуации ищет ответы на вопрос: почему Создатель, сотворивший некогда совершенный мир, попускает в нем столько несправедливости и зла?..

Как итог – говорить о высоком через призму пробуждения к духовному совершенствованию можно посредством разных жанров (о чем свидетельствуют произведения конкурсантов Ассамблеи, представленные в общей книге и повесть в книге «В поисках своего ковчега»), главное – как и о чем сказать!

Духовный рост и саморазвитие – наиболее достойная человеческая деятельность, особенно, если она протекает ради всеобщей пользы. Да, общество потребления, преобладающее на сегодняшний день, исключает такую возможность, допуская лишь получение благ, а не их распространение. Смысл жизни такого общества сводится к

удовлетворению базовых и эгоистичных потребностей и еще большему упадку духовности. Побороть классический эгоизм на уровне государства или целого мира, не поборов его на уровне каждого ума в отдельности – это утопия. Пока люди не поймут, что забота о собственном благе не цель, а лишь средство достижения другой цели –

блага всеобщего, – что требования, предъявляемые к человеку, как к разумному существу и члену общества, должны носить не внешне-материальный, а нравственно-духовный характер, до тех пормир будет балансировать на грани распада, как нестабильное ядро радиоактивного элемента.

«Измени себя, и окружающий мир изменится». Только так мы – творцы – можем содействовать позитивному развитию мировой цивилизации, способной преодолевать всевозможные трудности и двигаться через тернии к звездам.

вси у тебя есть, что сказать - повория. вси у тебя есть, чен поделиться - поделись. Есть ты чувствуеще внагодарность - повнагодари! Главное - сденай это с мобовью! Мюбено вас! Очена Мачед Медено вас! Очена Мачед

Один из авторов книги «Слово сквозь время и пространство»

Владимир Райберг «Светочи застолья»

STELLA представляет

«Светочи застолья» – книга-размышление. С первых ее страниц мы погружаемся во внутренний мир автора, который здесь и сейчас ведет не столько диалог с читателем, сколько с самим собой. Его герои – случайные и неслучайные знакомые, попутчики в метро, прохожие на улице или просто прогуливающиеся, например, в парке, – наслаждающиеся, как и он сам, природой, жизнью и настоящим моментом.

Как человек с тонкой душевной организацией, получающий вдохновение из, казалось бы, самых обычных вещей, он скрупулезно рассматривает и анализирует то, мимо чего проходят обыватели. Да, возможно, он более эмоционален, но те же сильные эмоции помогают ему лучше понять и прочувствовать недоступное другим. И если вдруг на писателя обрушивается идея фикс, он не пасует пе-

ред выбором: «пан или пропал», но, отдаваясь идее, объявляет самую настоящую охоту на то, что в данный момент влечет его. Да взять хотя бы, к примеру... руки – дада, самые обычные: ладони, запястья, пальчики...

«Наши руки – это наши портреты», - мнение Владимира Райберга, и разве с этим можно не согласиться? Есть «гипсовые руки», блестяще владеющие, например, пращей и пером одновременно. А есть «...напоенные кровью, пронизанные сухожилиями, и, самое главное, жизнью. Их портреты имеют цвет живого тела, повадки, выражение...» Ах, сколько всего могут рассказать о владельцах их руки... И перед автором с душой художника проходят «миллионы пар неизвестных, безымянных рук, которые впервые обожглись, впервые ласкали, впервые закрутили шуруп или коснулись клавиш. Впервые произносили молчаливую речь жестов, когда леденели губы. В голосе, слове, нотах и в жестах - тысячи парадоксов и откровений. Но только в ладонях, положенных на изгиб палки, скрыта личная судьба, ибо она загадочна своей индивидуальностью. На них нет маски...»

Вот, что манит, человека, в свою очередь открыто шагнувшего навстречу миру и людям, – вовсе не тайна, а присущее и ему самому прямодушие. Тут надо сказать, что писатель находит искомое. В ком? В женщине с Чистых прудов, что «сидела убедительно и царственно, как

будто она сама выбрала Землю местом обитания. И там, где упиралась ее путеводная клюка, был ее личный полюс, от которого расходились куда-то далеко меридианы». («Наши руки – наши портреты»); в 14-летней ученице Софье из изостудии «Ракурс» («Гипсовая рапсодия или гречневая каша Эллады») и в художнице Арине («"Притча во языцех" или както так»).

Три разновозрастных женских образа, так или иначе связанных с автором, выписаны не столько с внешней стороны, сколько изнутри. И в каждом случае меж ними рассказчиком и его героиней возникает особое притяжение. Можно было бы даже охарактеризовать все три эпизода по аналогии с временами года. Первая героиня, умудренная опытом, - зрелая дама-Осень. Вторая - юная и наивная, но уже с пробуждающимся женским кокетством. прелестница-Весна. Третья обретшая чувственные формы, манящая и в то же время недоступная, - женщина-Лето, именно v нее «сдержанная улыбка изящных губ, не вычерченных помадой, словно говорящих: я пришла сюда такая, как есть».

И тут и там – в каждом описании (в книге еще немало образов, на всех остановиться невозможно, да и имеет ли смысл, ведь книгу надо читать, смакуя каждую страницу, а не стопориться на том, что представляет ее лишь в кратком изложении) сквозит тепло, наполненность светом – конечно, это фигурально. Но

это как раз то, что получаешь от погружения в историю писателя Владимира Райберга.

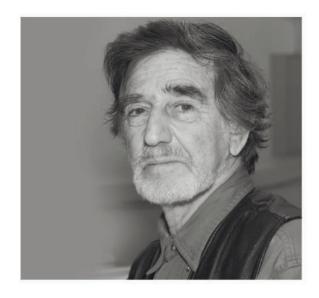
А любовь?.. Автор дышит ею, пропускает через себя и позволяет исподволь читателю прикоснуться к этому трепетному состоянию - любви к человеку, но особенно - любви к женщине. «Я люблю тебя, - говорит автор, - пусть даже чужой, отстраненной, мимолетной (для тебя!) любовью, но все же не мифологической, а земной, не занимая ни сантиметра вокруг тебя, не сдерживая твои легкие шаги, не буравя тебя ревнивым взглядом...» Сколько легкости в слоге! А не это ли является той пресловутой любовью зрелого человека, любовью безусловной - к которой мы стремимся. Не «с перетягиванием одеяла на себя», не предъявляя требований и не ущемляя прав любимого человека...

Такая любовь способна рождаться в каждом сердце. При этом неважно, сколько Ему или Ей лет. Зрелая любовь часто стучится в дверь, когда ее совсем не ждут. Бывает, что человек уже преодолел порог 50 или 60 лет, но сердце-то осталось молодым. При этом у него есть такие важные преимущества, как мудрость и жизненный опыт. Да, достойный возраст не всегда означает эмоциональную и психологическую зрелость. Но если эти аспекты совпали, можно говорить о настоящей золотой эпохе в жизни человека.

Лада Баумгартен, член МГП

Счастье приходит как результат труда

Владимир Райберг, член МГП Из серии интервью с Ладой Баумгартен

Лада Баумгартен: Владимир, я просмотрела немало материалов, опубликованных в интернете, в том числе и ваши интервью. Они, конечно, в первую очередь крутятся вокруг темы о вашем сыне, Игоре Сорине. Надо сказать, меня восхищает то, что вы делаете. Ведь это не только сохранение памяти, это нечто большее. Когда мы с вами выпустили первую книги «Еги-Гоги», меня словно накрыло. Я держала ее в руках, рассматривала фотографии из ваших семейных архивов и у меня текли слезы. И были те слезы некой светлой грусти - как яркий завершающий финал этого книжного проекта. Я думаю, что душа Игоря может быть спокойна. Есть правдивая история, точный, глубокий образ, раскрывающий все перипетии столь непродолжительного, но такого яркого пути артиста. Скажите, это первая книга об Игоре? Или до нее были еще? С момента гибели вашего сына прошло немало лет... Почему именно сейчас вы решились издать этот труд?

Владимир Райберг: Уважаемая Лада, с удовольствием отвечаю на ваши вопросы, ибо я чувствую себя более уютно в «Новом Ренессансе», вообще в МГП, более чем где либо. С удовольствием и гордостью ношу значок гильдии писателей, скромный и одновременно выразительный.

Начну с публикаций об Игоре. «Еги-Гоги» была написана давно, отдельными главами, которые мне не хватало духу собрать воедино. О книге было известно, только книги еще не было. Мне казалось, конца края не будет добавлениям, исправлениям. Выплывали подробности жизни моей семьи, которые становились все более значимыми и весомыми. И в них была пунктиром прошита история Советского Союза. Пунктиром, но четко.

Проживание в одном дворе с бывшими «кулаками» – самыми работящими – которые угощали меня «антоновкой» с медом; встреча с «самоварниками» на грохочущих колясках и т. п. Я поездил с ветеранами разных армий – меня брали как исполнителя песен под гитару. Это и поездки с однополчанами Марка, моего брата, который был на 13 лет старше меня и воевал на Ленинградском фронте; встречался с однополчанами тещи; встречался, верней, меня брала с собой армия Доватора. Я начал работать, когда вернувшиеся с войны ветераны еще много лет донашивали полинявшие хэбэшки. Песни я писал по рассказам живых людей. Мне ничего не надо было выдумывать. Поэтому современные фильмы о войне мне кажутся слишком театральными, но где особого актерского мастерства не надо.

И не все я вынес на рукописные страницы из истории семьи и многочисленных встреч. Начал писать давно. В рассказе «Кончина ветерана» я вытащил воспоминание о моем первом опусе. Первый рассказ и стихи были напечатаны в армии. Я выглядел мощным солдатом, потому что нагрудные карманы были набиты рукописями.

Я не ответил на ваш первый вопрос: об Игоре и книгах. Первая книга вышла задолго до «Еги-Гоги». Это были воспоминания его друзей, однокурсников по Гнесинке, актрисы Ноны Гришаевой, Григория Гладкова, «Ученой обезьяны», «Шесть кадров», сотен девчонок, которые начали писать стихи после его гибели. Называлась книга «Приглашение к жизни». И вышла она, благодаря титаническому труду мамы Игоря, Светланы

Александровны. Вышли два сборника стихов Игоря, которые становились при его жизни текстами песен Матвиенко.

Я объездил много городов с вечерами памяти об Игоря. Я никому не навязывался, меня звали Омск, Ленинград, Вологда, Ноябрьск, Ростов, Краснодар, Симферополь, Минск. Складывалось у некоторых впечатление, что я наживаюсь на памяти сына...

Владимир Райберг: У меня начали выходить сборники стихов: «Семь сорок», «Искушение пространством», «Перекресток», «Меню для блудного сына», «Поляна детства», «Монолог из лагерной печи» с моими иллюстрациями. При Игоре я «болел» стихами, но не навязывал ему. Собственно, достаточно было моей неряшливости, чтобы его любопытство удовлетворялось. Он читал рукописи и показывал друзьям. Отзывы были хорошие. Вы правы, Лада, я был первым. Лет прошло немало. И память стала иной. Мне кажется, то жестче, то теплее, но это к себе. Она уходит в творчество. Вот сейчас, когда отвечаю вам, я ведь ощущаю двойную боль: первая память, вторая, чисто физическая, я ведь на днях слез с операционного стола - ремонтировали почку. Вцепившись в край операционного стола, я читал хирургам Мандельштама, Пастернака, Пушкина. Для них это было впервые. Иона Дегена: «Мой товарищ в смертельной агонии...» Когда оперировали сердце несколько лет назад, уже в реанимации я читал Семена Гудзенко «Когда на смерть идут – поют...».

Владимир Райберг: Когда осознал поэтом? Когда появилась публикация в «Новом Ренессансе», и я стал дипломантом вашего конкурса. Далее у меня пошла поэзия иного качества. Я только в этом году трижды стал победителем международного литературного конкурса. Проза ведь тоже шла. Я вышел победителем конкурса «Мой Петербург». Печатали прозу и брали мою живопись в журнал «Алеф». Стихи и рисунки публиковались в детском журнале «Кукумбер». Лада, между прочим, поэзия «мешала» мне писать прозу. Прозу я протопывал ногами, в пути. А «Вечер на Невском» написал на обертке книги, на боковом сиденье в вагоне ночного поезда Петербург-Москва. Стихи об Игоре писал, в основном, как наваждение, на кладбище, у его могилы. Иногда на чужой сигаретной разорванной пачке. Конечно, лучшее - «Альбом фотографий». Оно вошло в Антологию. Лада, я писал дневник за Игорем с первых шагов до трех лет включительно. Недавно я вытянул эту тетрадь, втиснутую между книг, перепечатал ее в интернете и назвал «Белый голубь надежды». Что делать: материал был предназначен для чтения Игорю, а читаю я. Прозы

Лада Баумгартен: Частично ваша книга посвящена поэзии Игоря. Но ведь первым поэтом в вашей семье были именно вы. Вы передали частицу своего таланта сыну. Я знаю, что у вас есть собственные сборники стихов.

Лада Баумгартен: Скажите, а в каком возрасте вы осознали себя поэтом? О чем были первые произведения?

у меня написано достаточно. Не в стол, я ведь не чувствовал себя литературным изгоем и страдальцем, – писал и писал.

Лада Баумгартен: А песни? Когда случилась первая песня?

Владимир Райберг: Песни?.. Когда взял гитару-шестиструнку и выучил аппликатуру, позволяющую легко менять тональность, тогда и пошли песни. Особо никуда не тыркаясь, пел на радио, телевидении, в синагоге. Под мою песню «Лягушонок» квакали «младенцы» не младше семидесяти. Так что в синагоге необходима не только Тора, но и нечто более легкомысленное. Самый большой гонорар за песню «Яблоки» получил на ярмарке в праздник города. После моего исполнения ко мне подошел мужчина, распахнул пиджак, из одного кармана достал бутылку водки, запечатанную бумажным жгутиком, из другого – граненый стакан, который спер в сатураторе, наполнил его до краев и вручил мне. Представляете – что значит алкоголику оторвать от себя стакан водки? Это всенародное признание.

Есть детские песни, которые я пою для малышни в изостудии. Над моими песнями Игорь и его компания подшучивали. Но у нас были разные аудитории. Одна девушка на вступительном экзамене в театральный читала мое «Прощание». Прошла по конкурсу. До возведения Храма Христа Спасителя гуляла моя песня о Храме. Тогда речь еще не шла о его восстановлении. Слова песни цитировали экскурсоводы: «И прорастает Храм спасителя во чреве Матери-земли». А сейчас эту песню не пою, – Храм воссоздан. Так-то!

Владимир Райберг: Лада, я был в творческой компании «Третий полюс». Мы шастали по домам отдыха, госпиталям, школам: пели, читали стихи. Особенно по поводу КСП не пеклись. Несколько человек выезжали на Грушевский фестиваль. Но среди нас были хорошие исполнители.

Сейчас авторская песня по-настоящему оценена. Чего стоят «По смоленской дороге» Булата Окуджавы или... Или все его творчество... Высоцкий, Берковский... Егоров... Лорес... Митяев...

Лада Баумгартен: Мне кажется, жанр бардовской песни – это альтернатива бездумной, а иногда и откровенно пошлой современной попсе. Лучшие авторские песни позволяют задуматься о таких вечных ценностях, как любовь, дружба, верность.

Лада Баумгартен: Вы примкну-

ли к движению КСП? По сути, ав-

торская песня - та же поэзия. Ее

можно охарактеризовать даже как

поющуюся поэзию. Вы продолжаете работать в этом направлении?

Или сегодня в России это уже не

Владимир Райберг: Язык... Но то, что поется сегодня на сцене – убийство родного языка. Мне кажется, что русский язык скоро будет для узких специалистов русского языка, как вавилонская клинопись или египетская пиктография. Даже авторитетное жюри конкурсов, кроме эпитета «круто», не может найти ни одного синонима для оценки конкурсанта. Это в русском-то языке! Массовая аудитория воспринимает только ритм, вызывающий конвульсию, под который можно дергаться, и подтанцовки-пантомимы низкого качества. Кол-

актуально?

Когда-то у кельтов и галлов певцы и поэты именовались бардами. Они были хранителями языка и традиций.

Лада Баумгартен: «Авторская песня проникает не в уши, а прямо в душу», – говорил Высоцкий, написавший за свою жизнь их более восьмисот. А сколько песен на вашем счету? Есть ли их записи?

Лада Баумгартен: Песня под гитару – своего рода попытка поделиться с социумом своим видением мира. Возможно, именно этого недоставало Игорю. И это он почерпнул у вас...

Лада Баумгартен: Глядя на вас, трудно не согласиться с мнением писателя Λ. Фейхтвангера: «Человек талантливый – талантлив во всех областях». Вы – талантливый музыкант и поэт, а в свободное от музицирования и стихосложения время создаете прекрасные живописные полотна. Как и когда к вам пришло это умение?

готки у танцующих можно спустить, а можно натянуть на уши – результат один: даже подростки не реагируют. Ну разве что Анну Семенович выпустят! Певцы аплодируют сами себе.

Владимир Райберг: Диски (мои) у меня есть. Постараюсь найти. Знаете, Лада, как мучительно и немыслимо петь, глотая слезы, когда перед тобой сидит молодой парень - сапер, афганец, с посеченным лицом и выгоревшими глазами, а рядом мама держит его за руку. Песню об Афгане я написал и пел ее много раз. Она жесткая, и не о подвиге, а о послевоенной судьбе. Боевые события описывали сами афганцы. Я о другом. Однажды в День ВДВ, в Парке Горького, спел ее раз 15, непрерывно. Потом исполнил на радио. Один раз я участвовал в конкурсе КСП, вышел в финал и должен был ехать в Алма-Ату. Но рухнул аккурат в эту дату Советский Союз. А песни тогда передавались «из уст в уста». После каждого похода возвращались с новой песней. Это были и остались чудесные песни на чистом русском языке. Каждая посиделка у вечернего костра была именно уроком родного языка. Небольшим количеством аккордов создавали шедевры. «Атланты держат небо» Александра Городницкого звучали гимном. Когда я вел «Спокойной ночи, малыши», то сочинил еще пару-тройку песен. За количеством не гнался.

Владимир Райберг: У Игоря тяга к общению была не только посредством пения. С детства он вокруг себя создавал обитаемое для его души, юмора, красноречия пространство, начиная с детского сада. После выходных у него воспитательницы брали интервью. Всего не расскажешь. Частично занесено в старый дневник. В «Иванушках» он добился персонального пения а капелла. Он выходил один, без ребят. Вот тогда в полной мере раскрывался диапазон его голоса. Я видел, правда, в записи, что тогда творилось в зале.

Владимир Райберг: Я с детства посещал Дом пионеров. Это было после войны, в пятидесятые годы. Я бежал на Чистые пруды, в бывший дворец Апраксиных, где на третьем этаже была изостудия. Из нее вышли архитекторы, художники и ее гордость – Главный художник Большого театра Валерий Левенталь. А недалеко от Дома пионеров проходили три трамвая, включая «Аннушку», идущие в сторону Третьяковки. Елена Алексевна, наш педагог, возила нас на трамвайчике в эту сокровищницу. Были великолепные педагоги. Рисую по вдохновению, а оно меня не покидает. Как видите, Шолом-Алейхем у меня на листах. А вообще листов десятки сотен. Тевье-Молочник у меня и в песне, и в графике.

Лада Баумгартен: Многие болееменее известные личности утверждают, что залог успеха — это в первую очередь усидчивость и высокая работоспособность. Больших достижений могут добиться не просто талантливые личности, а пахари с даром. У вас есть любимые увлечения, но в мире творцов, по большей части, приходится, чтобы иметь ту самую возможность творить, еще много работать или «пахать», и часто в далеких от искусства сферах. А где трудитесь вы?

Лада Баумгартен: Скажите, а детская изостудия «Ракурс», которую вы ведете, – это ваше хобби?

Лада Баумгартен: Но ваши подопечные, как я понимаю, не только рисуют, а еще и сочиняют стихи.

Владимир Райберт: Последние годы я – либо Главный конструктор, либо Главный инженер. На моем счету сотни проектов, ни один из которых «не лег на полку». Это были объекты для Средней Азии, Молдавии, Поволжья и даже для Сирии (Алеппо и др., которые наверняка раздолбали).

Потом во мне проклюнулся изобретатель (стальные конструкции, которые внедрялись на Стройках Коммунизма: Братская, Иркутская ГЭС). Было так, что я сидел, как Буриданов осел, и думал продолжить изобретение, лежащее слева, или дописать песню, лежащую справа.

Меня спрашивали: а ты считаешь себя самым умным? Да, в этом техническом вопросе самым умным, ибо я проверяю чистоту своего решения по патентам крупнейших индустриальных держав: Германии до 37 и после 37 годов, США, Японии, России... А почему не я?!

И такой вопрос я задал Игорю: «Хочешь быть звездой?» – «Хочу!» – «А почему не ты?!» Сказать это – значит, решить половину дела.

Лада, милая, на меня иногда косо смотрят: сейчас я работаю в фирме, которая проектирует и строит Храмы. На моем счету Валаам, Москва (несколько!), Балакирев, Переделкино, то самое Переделкино, где оставили след великие русские писатели и поэты, Нижний Новгород, Подмосковье...

Кстати, прямо напротив Храма в Переделкино живет с семьей бывшая подруга Игоря – Саша Черникова.

Владимир Райберг: Лада, что это хобби?! Не знаю, но пару десятков лет работаю с детьми. С ними я рисую, и в большей степени стараюсь ребят сделать во время процесса соучастниками событий.

Пример: у ежика в день рождения на иголках вырастают тюльпаны. В этом случае ежик интересен. Если ежик несет на спинке заготовочку (в норку) из фруктов, грибов, ягод – это событие вызывает интерес. Влюбленный жираф – это интересно. Рисование в духе Арчимбольдо – сплошная свобода. И т. д.

Мы много участвовали в выставках и в международных конкурсах. Мои ученики заслуживали и Гран-при.

Владимир Райберг: Знаете, особенно большие успехи у ребят проявились в японских международных конкурсах, где выдавалась общая тема: Вода, Ветер, Дом. Требовалось широкое истолкование. К рисункам надо было присоединить хокку (хайку). На это мы были мастерами. Девочки, в основном, стали потом журналистами, архитекторами, гуманитариями. Сейчас они водят ко мне своих пятилетних детишек.

Лада Баумгартен: А что это за проект «Мировые шедевры пред нами»?

Владимир Райберг: Мировые шедевры. Реконструкция. Воссоздание шедевра. Однажды меня осенило – выбрать мировой шедевр, реально собрать его и сделать предметом живописи. Фламандский натюрморт не осилить. Выбор пал на «Натюрморт с селедкой». С репродукцией я пошел в магазин, выбрал две картофелины, купил селедку и буханку черного хлеба. Двумя резами выделил из нее четвертушку. Нашел два бледных листа: голубой и розовый, помял, расправил. Все! Петров-Водкин в оригинале. Писали натюрморт все: и старшие, и малышня. Они прочувствовали натюрморт. Они узнали, что это не только натюрморт, но и основная пища времен написания. А время было суровое.

«С грехом пополам мы здесь питаемся,

1/8 фунта в день полагается, а хлеб – глина одна...»

А. П. Петровой-Водкиной

Петроград. 30 ноября 1918 года

Писать натюрморт надо было в один сеанс, ибо селедка подсыхала и задирала хвост. Потом я представил эту программу на конкурс, получил диплом. Но большее удовлетворение получил от воплощения идеи. На этом мой поиск не кончился. Бесконечно эксплуатировать эту идею не стоит. Но на еще один шедевр я покусился: «Башмаки» Ван Гога.

Снова поиск натуры. Картошку с селедкой легко подобрать. А где взять башмаки - век ушедший. Я обходил ближайшие стройки и мусорники - безрезультатно. На всякий случай заглянул в костюмерную театральной студии, расположенную в двух шагах. Оказалось, мне с нее и надо было начинать поиск. Нашел похожие башмаки в фанерном ящике для обуви. Похожие, разношенные, потертые. Команда моя засела за мольберты и столы. За кисти взялись все. И на глазах Ван Гог воскресал. Старшие ученики к натуре относились с почтением и вниманием, а у малышей на листах появлялись ботиночки и тапочки. У них, так сказать, свое видение. Происходило еще одно постижение шедевра. И, главное, возникло понятие, что для искусства нет ничего пренебрежительного. На этом тему «Воссоздание шедевра» закрыл.

Поэтический комментарий

БАШМАКИ ВАН ГОГА

Истлела подошва, давно истрепались шнурки,
Насквозь нас пронзает пехотным штыком непогода,
Дожить бы до свалки, не то чтобы выйти из моды,
Такая им участь досталась судьбе вопреки.
Пастозное зелье швыряет отшельник в холсты,
Сквозь рамы шедевров мы входим в приемную Рая,
Дозорных стрелков до рассвета Рембрандт расставляет,

Над мутной водой Каналетто возводит мосты. В глубоком молчанье художники сходят со сцен, Надломленный грифель нещадно судьба укротила, Но лоты взлетают ценою до уровня виллы, Лишь хладен безумец к безумной агонии цен. Взошел в поднебесье сквозь иго танталовых мук, Ударом наотмашь проломлено ложе Прокруста, Застыла горбушкой великая сила искусства В гортани безумцев, роняющих кисти из рук. Мы тянемся к чуду, покинув кто Храм, кто альков, Скользнув суетливо с надрезанных губ Гуинплена. На ноги босые напялил «Мыслитель» Родена -Ту саму пару раздолбанных вдрызг башмаков. Жемчужный рассвет колыхнулся под тихим веслом, Прищурились в рамах резных пилигримы и боги, И мы по земле, обрядясь башмаками Ван Гога, По этой земле своей вечной дорогой идем.

Лада Баумгартен: Владимир, вы член Международной гильдии писателей. Скажите, почему вы выбрали среди прочих литературных организаций именно МГП?

Владимир Райберг: Почему я в МГП? В поэзии именно вы первые меня оценили. Я долго не мог прийти в себя, увидев в «Новом Ренессансе» «Монолог из лагерной печи». Эта вещь была мне дорога. Я чувствовал кровную обязанность перед своим народом. Но меня как-то холодно встречали коллеги. Были вопросы, вызывавшие у меня удивление: А что, у тебя кто-то пострадал? Что я мог ответить? Но от вас я получил ответ. Мне было достаточно диплома. Холокост - действующая модель уничтожения человечества, отработанная на евреях. Это мало кто понимает и закрывает глаза на ближайшее будущее. Уже кровь забивает ноздри, а человечество думает, что это Шанель, что можно прочихаться. Членом Союза писателей России я стал давно, а вот писателем - года два назад. Вернее, почувствовал. Это разные состояния, а красная членская книжка для пижонства.

Как меня принимали в Союз писателей – тема для юмористического рассказа. Я не знал, что заявление подал в антисемитское крыло, да еще представил на обсуждение сборник стихов под названием «Семь сорок», в котором есть слова: «Умолк Интернационал, а вот Семь сорок будет вечен... Ах, да, ведь ты сегодня бог, а завтра снова жид пархатый». Не хватало только фрейлакс станцевать. Посмейтесь от души – разрешаю, чисто по-человечески!

Владимир Райберг: Знаете, я не развелся с женой, я развелся с семьей, развод – малая часть события. Я ушел из той семьи. Знаю, что всегда виноват мужчина. Пусть будет так – как утешительный аванс всем будущим разводам. Дело не в том или ином отношении к

Лада Баумгартен: А как относятся жена и дети к вашему творчеству? творчеству и авторской песне, в частности, и даже не к Бетховену. Моя песня никого там не волновала. Все были нормальные люди. На Игорьке все завершилось. С мамой Игоря, божественной Светланой Александровной, я поступил жестоко. Со второй семьей не сложилось. С детьми встречаюсь в кафе, деньги перевожу регулярно. Недавно отметили мои 80 и 18 лет старшего сына. Вот такое примечание.

Лада Баумгартен: И в заключение ваше напутствие тем, кто еще только пробует себя на ниве творчества – не важно на каком поприще.

Владимир Райберг: По поводу пожелания, напутствия творящим: будьте счастливы в творчестве! Легко сказать: будьте счастливы. Оно, счастье приходит как результат труда, но не процесса марания бумаги, а внутреннего - со слезами, смехом, верой и неверием. Я испытывал радость и в литературном творчестве, и в живописи, и в изобретательстве. Последнее я завершил, когда понял, что не дурак. Вкусив от чужой мудрости, осознаешь, что можешь стать мудрым; только для кого и в чем? Берегите в себе неожиданное откровение: будущее может прийти раньше срока, как решение математической задачи, миновавшее промежуточные выкладки. В родном языке потенциально есть все для выражения самых тонких чувств, самого сокровенного. «Мне голос был, он звал утешно...» - Анна Ахматова. «Восстань, пророк, и виждь и внемли...» - Александр Пушкин. «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейтах водосточных труб...» - Владимир Маяковский. Это не рецепты, это лекарство, это - Врубелевская «Роза в стакане». Из-за одной этой работы я мотался в Третьяковку. Да и много из-за чего. Ради «Голгофы» Николая Ге, которая завершила для меня всю христианскую живопись. Свой роман я завещу. Он уже в сознании моем. А довести его, как говорил Поликлет, «до ногтя», обязывает подвиг моей мамы, согревавшей собственным телом меня с братом в блокадном Ленинграде. Собственным телом... Собственным телом... Собственным...

Дорогая Лада, я с вами!

41

Гой еси, Соломоныч

Владимир Райберг, член МГП

С мечом не остановится тяжелая рука, Я кровью, словно истиной, умылся, Но, бьющий иноверца, и перед своим пока Ещё ни разу не остановился.

Вся многослойная Россия, взбаламученная бытовым миксером, заполнила вагон метро, уплотнилась. Круговерть усмирилась, взвесь осела. Умудренная безнадегой, толпа окунулась в омут чтива, разящего типографской краской. Это касалось только пассажиров-счастливцев, захвативших сидячие места. Протискиваясь вдоль ряда этих счастливцев, можно было, походя, почерпнуть самые свежие новости из хронически несвежей информации. Из желтой, красной, коричневой и даже голубой прессы, стоило лишь мельком взглянуть на аршинные заголовки. Подробности самые разные: об очередном альянсе попзвездульки, об успехах киллеров, о повышении урожайности «на шести сотках», о снятии порчи и сглаза. И, наконец, о поисках национальной идеи и врагов великой нации, а стало быть, врагов всего Отечества.

С одного конца вагона раздалась артистически поставленная речь, рассчитанная на вышибание слезы и мелкое вспомоществование: «Гражда-не-рос-си-яне! Мы-неместные-по-мо-жи-те-чемможете...» Пышущий румянцем «погорелец» перевел дыхание и двинулся по вагону. Навстречу ему с другого кон-

ца протискивался атлет-коробейник, рекламируя без запинки свой товар: гелиевые ручки всех цветов, две по пять, три за десять, пятновыводители и картофелечистки. Средние двери вагона были плотно забаррикадированы громадными, разбухшими от импортного ширпотреба, безразмерными сумками. Челноки, владельцы груза, смахивали пот с лица. Через их тюки кувыркались аборигены. Вся многослойная Россия, праздная и озабоченная, была здесь, в этом жестяном вагоне-ковчеге. Маленький водоворот у дверей на остановках. Уплотнение-разуплотнение, как только с шипеньем раздвинутся двери. Запах пива, хруст опорожненных жестяных банок. Над толпой, словно сверкающие на солнце пионерские горны, вскидываются пивные бутылки. Похоже, болельщики, которым закон не писан. Те, что пьют пиво подороже и с креветками, едут по верху, в иномарках. Еще не «час пик», но легко затеряться и затереться. Низенького Соломоныча притиснули к закругленному поручню у двери. Чтобы не мешать, на остановках он предусмотрительно выходил и вновь входил, увлекаемый толпой. Скоро его остановка. На Боровицкой наступило

разряжение, и броуновское движение обрело больше степеней свободы. Стоит только выбраться из метро на вольный воздух - и вот он, центр Москвы. Есть на что поглазеть. До всех достопримечательностей рукой подать. Посмотрите налево, посмотрите направо, вот перед вами... А перед нами Библиотека Ленина (авторы Иофан и Гельфрейх). Купола кремлевских соборов (ослепительное сусальное сияние). Здание Манежа, в котором гарцуют не скакуны, а крутое арт-искусство. (Кстати, на одной из выставок в Манеже у Соломоныча раскупили акварельные этюды.) Есть и кони, омываемые струями фонтанов, - это вздувшиеся кованые битюги из «конюшни» Зураба Церетели. Не устаешь удивляться. Кутафья башня, возле которой Бондарчук воскресил наполеоновское нашествие. Следующая станция - Арбат. Потом - Площадь Революции. Бывшая Дума (стилизация под терем из отборного красного кирпича). За углом - эклектика Исторического музея (из того же кирпича). Бронзовый конник перед фасадом маршал Жуков в интерпретации Вячеслава Клыкова, вцепившегося клыком в заказ. Легендарный маршал мается. Тут опасность иного рода:

конь вот-вот рухнет набок изза того, что автор поставил его не по-конски, и придавит седока. Но перед этим разрешится лоснящимися яблоками, судя по напряженно задранному хвосту. Жуков привстал на стременах, но так, как если бы изначально предусматривался пеший вариант.

Все хрестоматийные достопримечательности, прежние и нынешние, знакомы Соломонычу. Исходил вдоль и поперек. Но ему дальше. Попутчики, что сейчас выберутся из метро на свет Б-жий, будут фотографироваться на фоне исторической нетленки. А Соломоныча, щуплого на вид, того и гляди, затопчут.

Центр выманил большинство пассажиров в супермаркеты, в Александровский сад, на Красную площадь. К ней любопытство выше среднего: хочется лично удостовериться, что ОН, ВЕЧНО ЖИВОЙ, все еще там, под гранитом, по которому уже не шаркают по красным датам новые политические кормчие. Вагон разгрузился. На плечо Соломоныча внезапно опустилась чья-то ладонь от руки, обхватившей его. Нежданная встреча с кем-то давним, но близким?.. Ударил запах пива изо рта склонившегося над ним пассажира. Незнакомец. Это был один из двух дружков,

стоявших до этого в стороне, покачиваясь не в такт движению. Оба при пиве. Сейчас они рядом. Судя по удушающему перегару, до пива была основательная попойка. Тот, что своим вниманием облагодетельствовал Соломоныча, был похож на жбан. Объемистый, одутловатый. Глаза чуть навыкате. Брюки уползли под живот. Общительность прямо-таки разбирает:

- Ну, и как вам наша столица? с подчеркнутым достоинством осведомился Жбан у Соломоныча. В ожидании ответа он приложился к бутылке, запрокинув голову. Но руку не снял.
- Почему ваша? Она и моя.
 Как говорят, живу я здесь.
- Но все равно поглядываете, небось, на свою, обетованную. Наша-то, небось, поперек горла? педалировал он на местоимения. Очертил круг бутылкой и прихлебнул пивка.
- Представьте, что столицу отстаивали и мои родственники, только не эту, а другую...
 - Тель-Авив, что ли?
- Нет, Ленинград. Только, пожалуйста, уберите руку.
- Ну вот, начинается. Начинается. Начина-а-а... (он икнул). Я по-дружески. Что, не нравится? А ты поезжай в свой ИзраЕль. Ха-а! икнул и прихлебнул.

- Мне и здесь хорошо.
- Конечно, хорошо. Вам, «этим» самым. А нам каково? Жбан повысил голос и обвел окружающих взглядом правдолюбца. Он ведь выводил одного «из этих» на чистую воду.

Он стал наливаться злобой вдобавок к пиву. Соломоныч попытался сбросить руку с плеча. Жбан усиленно задышал вонью. Руку снял, переложил в нее бутылку. Потянулся к лицу Соломоныча пухлой растопыренной пятерней.

Напарник удовлетворенно наблюдал за развитием события. Игра шла в одни ворота. Пил пиво и хмыкал в предвкушении развязки. Взглядом и кивком приглашал окружающих к представлению. Шапито! Вагон стал проявлять интерес. В нем присутствовала вся единая, озабоченная Россия. Но есть интерес выше житейской озабоченности. Интрига замаячила. В вагоне ехала вся Россия и некий, неприметный Соломоныч. Но вся Россия - это одно, а Соломоныч - воплощение неистребимой множественности. Это уже не фунт изюма, а е-пэ-рэ-сэ-тэ! И профиль такой характерный: словно секира, побывавшая в деле. Слегка покромсали, но довели до иудейского профиля. Краем глаза, краем уха, каким-то охотничьим инстинктом пассажиры вникали в суть разговора. Ждали. Рот у Жбана брезгливо оквадратился. Закипало пиво и национальная гордость. Он заранее торжествовал победу, если не в диалоге, то за счет разницы в весовой категории. Молчаливая поддержка окружающих тоже давала шанс. Молчание — великое оружие. Те, что стояли поближе, ждали развязки. Народ — добродушный, но кто же против зрелищ.

- Да я тебе щас! - Жбан прицелился растопыренной ладонью, потянулся рукой, но Соломоныч неожиданно встретил выпад своей пятерней. Их пальцы сплелись в замок. Атакующий торжествовал: рыбка сама пошла в сети. Он стал сжимать пальцы, а Соломоныч с такой же силой отвечал. Ничего, скоро он выдохнется, ха-ха-ха! Лицо Жбана выражало предвкушение: сейчас этот хренов писарь, книжный червь, получит свое. Но у Жбана резерв кончался, а Соломоныч все жал, да так, что вместо торжества лицо нападавшего исказилось от боли. Как только он пытался пустить в ход вторую руку, Соломоныч жал сильнее. Дружок не мог понять, что случилось: со стороны казалось, что двое не могут распрощаться. Братание двух великих держав. Из горла Жбана послышался слабый, неестественный для его габаритов, визг. Но уже не в защиту Отечества, а за себя лично. Кто же знал, что такая хватка у этого щуплого недомерка. Прямо клешня. Только что не перекусывает. А «клешня» была у Соломоныча в свое время в жалком состоянии. Хлюпик блокадного Ленинграда. Шустрый сам по себе, но языком, а не телом. Было стыдно перед собой. В аптеке купил резиновый бублик, в спортивном магазине эспандер. Стал жать бублик, по дороге, не вынимая из кармана. Эспандер - дома. Тайно от всех. Ладонь окрепла. Стал приобщаться к отцовским гантелькам. Вроде бы обрел мужское рукопожатие. Да и на костях кое-что наросло. В армии за хиляка не сходил. И гоняли их там, таких, как он, зеленых, по утрам в горку при любой погоде раздетыми по пояс...

- Отпусти, блин, прошипел Жбан.
- Потерпите до следующей остановки. Вам ведь выходить?
- Мне дальше, блин, взмолился Жбан.

 Это мне дальше, а вам на следующей. Верно? Рад был с вами познакомиться.

Жбан нехотя кивнул. Ситуация для него была нелепой и даже унизительной. Он шипел, роняя слюну. Его дружок кивал: двинь ты ему хорошенько. И рад бы Жбан, но Соломоныч прерывал попытку. Двери с шипением раздвинулись. Соперники стояли, трогательно глядя друг на друга. Пора прервать рукопожатие. У одного наворачивались слезы. Казалось, что они пошли на мировую. Вот он, исторический миг. И за мгновение до закрытия дверей Соломоныч разжал ладонь, выпустив соперника на волю. Не было торжества победы, только желание избавиться, как от чего-то омерзительного. От этой пухлой, скользкой, потливой ладони.

Жбан остался на платформе. Он что-то орал за закрывшейся дверью. Запоздало грозил кулаком. Его дружок беззвучно хохотал, попеременно тыча пальцем то на Жбана, то на находящегося по другую сторону двери Соломоныча. Поезд тронулся, и дурацкая пантомима на платформе осталась позади.

Сквозь тонкий пласт Вселенной

Михаэль Юрис, член МГП Из серии интервью с Ладой Баумгартен

Лада Баумгартен: Михаэль, вы родились в октябре 1941 года в трудовом концлагере «Транснистрия». Сегодня – это бесследно исчезнувший исторический призрак. Как ваша мама там оказалась? И где вы проживали после лагеря?

Лада Баумгартен: А литературные способности вы когда проявили, будучи школьником или позднее?

Лада Баумгартен: Леон Юрис – автор знаменитых «Эксодуса» и «Армагеддона» – случаем не ваш родственник?

Михаэль Юрис: Мои родители после прихода Советской армии в 1939 году в Бессарабию, решили пожениться и оставить родительский дом. Матери тогда было 17 лет. Отцу – 20. Но в том году умер мой дед Михаэль, и они задержались с планами. О начале Второй мировой войны и разделе Польши никто в СССР не знал. Лишь слухи... Поэтому начало войны их, как и всех граждан СССР, застало врасплох. По воле судьбы моя мать к тому моменту уже была беременна.

Жители Бессарабии и Галиции стали первыми жертвами фашистской агрессии. Через неделю румынские войска уже оккупировали всю Бессарабию. Тут же румынские власти стали изгонять из сел и поселков евреев и цыган, концентрируя их в так называемых «трудовых» лагерях на обширной территории, получившей название – Транснистрия (междуречье Днестра и Южного Буга). Среди изгнанных были все жители поселка Бритчево (300 семейств), что километрах в 150 от города Черновцы. Среди них находились и мои родители, их семьи и многочисленные родственники. После побега из лагеря мы с матерью жили в Узбекистане, а отец был мобилизован и отправлен на фронт. Там и погиб.

Михаэль Юрис: Еще в первых классах я полюбил русский язык. Школа, между прочим, была украинской, и все предметы мы соответственно изучали на украинском языке. В рамках учебы я участвовал во многих экскурсиях, после чего стал описывать эти экскурсы и высылать статьи в «Пионерскую правду». Так я стал «деткорром» – детским корреспондентом.

Михаэль Юрис: Да! Леон Юрис – мой дядя. Его родители еще в 1905 году эмигрировали из Западной Белоруссии в США. Мне о нем рассказал мой дядя Яков, брат отца. Но с творчеством Леона я ознакомился лишь после эмиграции в Польшу. В СССР книги Юриса Леона были запрещены.

Я восхищался его творчеством и антисоветской позицией, хотя знал, что его отец Вольф был член коммунистической партии США. Между прочим, благодаря его книге «Мила 18», я впервые ознакомился и с еврейским восстанием в «Варшавском гетто». До чтения этой книги я знал лишь о польском восстании. Об участии евреев польский режим умалчивал. **Лада Баумгартен:** А это правда, что вы служили в спецразведке и участвовали в войне «Судного дня» на сирийском фронте?

Лада Баумгартен: Я правильно понимаю, что большую часть жизни вы провели в суровых военных буднях? Ведь, в общем-то, об этом и многие ваши книги.

Лада Баумгартен: Война войной – но есть еще и личная жизнь, мечты, устремления в высокое. На книжной выставке в Лейпциге мы с вами встретились впервые, тогда вас сопровождала супруга, она, я так понимаю, ваш верный друг и помощник. Значит, все-таки посреди войн было и место для любви?!.. Что для вас любовь?

Михаэль Юрис: Я участвовал в четырех войнах. «Шестидневная война» 1967 года, «Война на истощение» 1968-1970 гг., война «Судного дня» 1973 год, «Первая Ливанская война» 1982 год. Кроме войн, я так же участвовал во многих спецоперациях: одни из значительных – это операция «Нокейв» (возле озера Кинерет) и операция «Литания» в Южном Ливане (река в южном Ливане). О некоторых операциях я вспоминаю в книге «Меч Гидеона».

А обстоятельства контузии в войне «Судного дня» я подробно описываю в книге «Третье измерение». А если вкратце: «На второй неделе войны на северном участке сирийского фронта я командовал минометной батареей. Обстреливали сирийскую высотку "Тель Хара". И вдруг... совсем близко, взметнув черный вихрь, с громовым треском разорвалась вражеская мина... Еще одна... Следующий взрыв я уже не ощутил. Меня подбросило в воздух и с силой швырнуло на каменистую почву. Я потерял сознание, а когда очнулся, то первое, что увидел – это потолок санчасти...»

Михаэль Юрис: Судьба обороны страны, судьба государства Израиля тесно связаны с моей судьбой. Все мои молодые годы были посвящены защите молодого еврейского государства. Они отображены в книге «Герой в силу обстоятельств», в двухтомном романе «Да смоет дождь пыль пустыни», «Человек в пучине событий» и «Меч Гидеона».

Михаэль Юрис: О любви, как в известной песне: «все сказано». Но для меня любовь – это мой ангел хранитель. Она всегда присутствовала рядом и контролировала меня, согревала и берегла. Во всех моих произведениях она незримо присутствует рядом, а книга «Третье измерение» – это эпос моей новой любви. Здесь я описываю моменты знакомства, встреч и горячих чувств. Я эту книгу и посвятил моей «лебединой любви». И чтобы ярко отразить те счастливые отрезки жизни, я использовал сохранившиеся письма и дневники.

Мой девиз всегда был – живи и люби. И я жил по девизу Вильяма Шекспира:

«Дюбовь!

Ее голодный взгляд сегодня утолен до утомления, а завтра снова ты огнем объят, рожденным для горения, а не тленья».

Но до своей «лебединой любви/песни» я был женат и имею двух красивых и умных дочерей, а от них шесть внучек и внуков.

Лада Баумгартен: Ого! Счастья и мира вам и вашей большой семье! Михаэль, я должна сказать, что мне каждый раз приятно видеть вас среди участников наших литературных акций. И при том, что вы - состоявшийся писатель, член СРПИ и правления Союза русскоязычных писателей Израиля, член Международной гильдии писателей, неоднократный лауреат самых разных литературных премий; тем не менее, вы - активный участник творческих соревнований. Что для вас участие в конкурсах и что, на ваш взгляд, дают такие состязания писателям?

Лада Баумгартен: Как вы охарактеризуете себя в нескольких словах?

Лада Баумгартен: А чем вы любите заниматься в свободное время?

Лада Баумгартен: А о чем вы мечтаете?

Михаэль Юрис: Стимул! Стимул писать еще. И каждый раз мои требования к себе повышаются. И это, беря во внимание, что я не бывший советский или русский писатель, и что не учился в МГУ, мои познания великого русского языка более чем скромные. Но каждая новая книга, новые публикации в израильской и зарубежной прессе дают мне уверенность в достижении высших литературных высот.

Меня часто спрашивают: почему я не издаю книги на иврите? Ведь Тургеневым и Достоевским ты никогда не будешь? Я на это отвечаю: «Вы правы. Но зато я могу написать и издать книги на "моем" русском языке».

Русский «литературный» язык я изучил в силу обстоятельств, находясь в Советском Союзе, а затем в странах СНГ несколько лет в роли журналиста. Читал лекции, публиковал статьи в местных газетах и журналах.

Быть членом СРПИ или членом МГП для меня – это повышение моего профессионализма в литературе и расширение возможного круга читателей. Мои цель и желание – достичь максимальной популярности среди русскоязычных читателей. А если повезет, и появятся переводы на другие языки, тогда я буду счастлив.

На повороте моих лет я радуюсь, когда наши семьи и внуки здоровы и счастливы. А лично для меня радость – еще и стать известным писателем!

Михаэль Юрис: Люди считаются счастливыми, если Бог дал им возможность совершать подвиги, достойные записи, или написания о них книг, достойных чтения. Я отношусь к тем счастливцам, которым даровано и то и другое.

Михаэль Юрис: А что такое свободное время? Для меня – в особенности теперь, когда я на заслуженной пенсии?..

Это время я использую для новых произведений и лекций в клубах и школах. В прошлом году вышла моя новая, надеюсь, не последняя книга «Сквозь тонкий пласт Вселенной». Это моя серьезная проба пера в жанре фантастики.

Готовлю к печати новую повесть-предсказание «Скольжение мира в пропасть». Естественно, по возможности буду участвовать и в мероприятиях РПИ и МГП – встречах, соревнованиях, фестивалях и альманахах.

Михаэль Юрис: Быть здоровым и писать, писать, писать...

Евреи, Россия и Запад

Михаэль Юрис, член МГП

Неужели демократическая Англия и Франция, Шведы и Норвежцы помогут Ирану поднять знамя антисемитизма, выпавшее из рук гитлеровской Германии?

Неужели Россия, ослепленная большевистской идеологией и антисемитизмом, будет всегда держать нейтральную позицию или помогать врагам Израиля смертоносным оружием и советниками?

Почему весь Мир не возмущается ракетным обстрелом из Газы мирных городов и поселков Израиля? Почему Мир не возмущается от повседневных угроз Ирана уничтожить Израиль?

Чего вы ждете, демократы Мира?

Ждете, чтобы евреи, доведенные до отчаяния, собственными силами стерли так называемых палестинцев с лица земли в Иудеи, Самарии и в секторе Газа? Ждете, чтобы мы с Персией военным путем сами решили свои проблемы?

Не существует никакой «палестинской проблемы», т. е. идеи «как обустроить Палестину». Это просто ложь, прикрывающая совсем другую идею – «как уничтожить Израиль».

Почему я так считаю? Потому что, когда Иордания – по официальным данным – танками уничтожила, раздавила, расстреляла не менее 100.000 (ста тысяч!) своих «братьев-палестинцев», то по сему поводу никто в арабском мире не рвал на себе волосы, не вносил протестов в ООН. Нет, как и не было палестинских шахидов, мстящих братьям-иорданцам. Никто из европейских гуманистов даже рта не открывал. Значит, судьба палестинцев самих по себе никого не волнует – ни в арабском мире, ни в Европе, ни, что самое печальное, в самой так называемой «Палестинской автономии».

Другой пример.

Истерически рыдающие перед телекамерой скорбящие арабские матери – картина всем известная. Однако они же веселятся и обнимаются, и раздают сладости, приветствуя смерть своих детей-шахидов. Они же продают своих детей за всем известную таксу от 10 до 20 тысяч долларов, отправляя их на верную смерть. Но вот что любопытно. Арабские матери, получающие тела (или урны с прахом) своих детей, рыдать и не думают. Они вполне «конкретно-деловито» относятся к этой процедуре, получая 10.000\$ за каждого погибшего.

А кто их финансирует? Эмираты, Катар.

На самом деле, в мире и по поводу 170.000 погибших за последние три года в Сирии и Ираке, визгу не было – как будто не было ни этих войн, ни этих людей. Похоже, что, когда арабов убивают арабы, европейско-арабский пиар равнодушно зевает. Шум и возмущение поднялись лишь после наплыва арабских беженцев в либеральную Европу. Однако, когда речь идет о евреях, мировой пиар оживает.

Богатые арабские страны щедро оплачивают, не только сам террор, но и пропаганду против Израильской реакции на него. Бедствия палестинцев занимают центральное место в пропаганде и политике арабских стран. Но плевать они хотели на трудоустройство палестинских беженцев в своих странах, плевать они хотели на помощь палестинцам, живущим в самой «Палестине».

Гляньте на карту Ближнего Востока и всего арабского мира! Сколько арабских стран вы насчитали? Двадцать две! Сколько наций в них проживают? Одна! Арабская нация! Нет Сирийской, нет Иорданской, Иракской и нет Палестинской наций. А у евреев одна нация, одна вера и одна земля. Земля Израиля!

Арабские племена захватили ближневосточный регион полторы тысячи лет тому назад, а евреи проживали на своей земле издревле. Тысячу лет процветала на Ближнем Востоке еврейская независимая держава, и уже пять тысяч лет существует еврейская культура. Библия – яркое тому подтверждение.

После пережитой во второй мировой войне катастрофы, когда нацистам удалось уничтожить почти половину еврейского народа, евреи вернулись на свою исконно-историческую землю, чтобы на послевоенном пепелище возродить свое государство.

Но вскоре антисемитская Европа и большевистская Россия раскаялись в своей первоначальной поддержке (совесть их тогда, вероятно, сильно замучила), и начали они вести активную проарабскую политику, поддерживая их в борьбе против одного, только что созданного маленького еврейского государства.

Еще более справедливо будет сказать это по отношению к СССР и современной России, которые уже более 67 лет стоят во главе заклятых врагов Израиля, вооружая их самым передовым смертоносным оружием. В войне Судного дня советские советники и их боевые летчики принимали активное участие на стороне Египта.

Территория Израиля регулярно обстреливается ракетами российского производства. Россия, как и ее предшественник, активно поддерживает все антиизраильские резолюции в ООН. А на фоне дикого равнодушия мира к вопиющему гласу Израиля поставляет оборудование и технологии для ядерной программы Ирана, который открытым текстом грозит уничтожить Израиль.

Богатые арабские страны, при желании, могли бы давно решить так называемую «палестинскую проблему». Но этого не происходит. Никто не

желает видеть «гонимых» палестинцев гражданами своей страны. Даже, а может быть и в особенности, в Королевстве Иордании, население которого состоит на 80% из... палестинцев и лишь 20% из бедуинов и других национальных меньшинств. Вывод, я полагаю, очевиден. Всем глубоко безразлична «Палестина», но весьма небезразличен Израиль. Нет палестинской проблемы, есть проблема еврейская! А в чем суть еврейской проблемы?

Арабская ненависть к евреям черна, черна, как нефть, которой арабы торгуют. А цены на нефть легче удержать, если наравне с нефтью... льется кровь. Постоянное нагнетание напряженности в Израиле - крайне выгодный бизнес для наших врагов. При ничтожных затратах на «мучеников-шахидов» и подкуп «независимых европейских гуманистов» прибыли от роста цен на нефть огромны - сотни процентов. Но дело не только в этом. Обеспеченные экономически, арабы желают чувствовать себя и политически влиятельными. А уничтожение Израиля - идеальный способ самоутверждения!

Уничтожение Израиля стало бы настоящим цунами в мировой политике, и это при том, что реальных защитников в мире у Израиля нет!

Да дело совсем и не в Израиле. Сам по себе он почти так же не интересен «большим арабам» – вроде Саудовской Аравии или Ирана, как неинтересна и «Палестина». Им жизненно важно сокрушить Израиль как бастион чужой западной культуры. Именно Израиль является той точкой, где переплетаются «Запад» и «Восток» – точкой единства и борьбы противоположностей. Именно тут догматичный Восток стремится сокрушить прагматичный Запад. А Израиль – просто символ, пробный камень, первая ступенька по дороге к мировому господству.

Такова уж судьба евреев в мировой истории: мы – были, есть и будем в центре глобальных мировых конфликтов. Ничего не попишешь – избранный народ!

Евреи всегда были в центре столкновения мусульманской и христианской цивилизаций. В этой суровой борьбе непримиримых сторон. Ненависть к евреям обоюдна. И если мусульмане проявляют к евреям ненависть открыто, то христиане, как традиционно принято в этой среде, лицемерно и скрытно (помните декларируемые ценности «возлюби ближнего своего!»)

Мораль: еврейской проблемы самой по себе не существует. Существует проблема арабо-европейская, конфликт ислама и христианского миров, в котором евреи играют роль «белого авангарда» Запада - основоположников базовых идеалов, принятых в христианском мире. А в чем для европейцев смысл и сладость этого предательства? Тут, конечно, сошлось многое. И «нормальный» христианский антисемитизм, и «месть за Холокост» (неприятно, черт возьми, вспоминать свою вину!)

И слюнявая «левая» ментальность – естественное для «интеллигента» сочувствие убийцам – а не убитым, гра-

бителям - а не ограбленным. Но главное, разумеется, совсем не эти эмоции. Дело куда проще. Арабы контролируют основные мировые запасы нефти. Нефть - кровь промышленности, за нефть платят и будут платить. Нефтяная зависимость «обезоруживает» Европу перед арабским миром. Арабы оплачивают исламскую экспансию в Европу, субсидируют независимые, не контролируемые официальной властью западные СМИ. В странах современной Европы мусульмане уже составляют от 5 по 10% - а это на выборах гигантская электоральная сила. Евреев-избирателей уже меньше 1 %, да и денег у хваленых еврейских банкиров меньше, чем у арабских шейхов.

Политическое кредо еврейской диаспоры неоднозначно. Многие влиятельные евреи, к примеру, русские олигархи, в большинстве своем совсем не рвутся демонстрировать свое еврейство и не спешат защищать Израиль.

И самое главное. Как и ранее, в 1930-х годах, лидеры Европы убеждали себя, что лояльность по отношению к Гитлеру убережет их народы от судьбы евреев, так и сегодня в Европе не желают думать, что мусульмане поднимут «меч Магомеда» против них. Европейцы слепо верят, что арабы хотят всего лишь освобождения оккупированных земель и создания еще одного арабского государства. Ну, а если по ходу дела они попытаются уничтожить Израиль... То, во-первых, конфликт локальный, одним Израилем больше, одним Израилем меньше... Во-вторых, Израиль своей несговорчивостью сам провоцирует конфликт, а в-третьих, нейтралитет Европы снимает претензии к ней.

Моментом истины стала трагедия «11-го сентября». Мир был потрясен, но перелома в сознании не произошло. Мир остался прежним, разве что страха перед мусульманами стало больше.

Весь жалкий треп про «мировой терроризм» – прямая насмешка. Кто он – этот терроризм, как его звать? Усама бен Ладен? Ликвидация Бен Ладена – это ликвидация мирового террора? Если бы не было так грустно, так было бы просто смешно.

После 11 сентября что-то изменилось бы, если бы Европа сделала вывод: мы больше не будем покровительствовать террористам-мусульманам, мы будем помогать государству Израиль бороться с нашим общим врагом, или хотя бы – не мешать ему.

Но Запад сделал прямо противоположный вывод – он надеется принести государство Израиль в жертву, откупиться, надеется заключить за счет Израиля с террористами негласный «Мюнхенский сговор», негласный пакт «Молотова-Риббентропа». Что ж – похоже, что боязнь противостояния с сильным противником и плохо скрытый антисемитизм занесены в код ДНК европейцев.

Реально осознанной борьбы за мировое господство, как и цели сокрушить Запад, пока нет, но своей подлостью и слабостью Европа ее провоцирует. Исламский экстремизм не прагматичен, он дви-

жется на ощупь, ориентируясь на запах страха, который обильно источает «свободный мир». Фатальная картина? Совсем не так. Сегодня есть все шансы избежать второй Катастрофы (повторяю, не только Катастрофы еврейской, но и общемировой), но для этого нужно учесть уроки прошлого. Евреи неоднократно одолевали арабов на поле боя, но терпят поражение в информационной войне. Да, этот мир изначально настроен слушать арабов, а не евреев. Но другой аудитории у нас нет. Мудрые еврейские головы просто обязаны доказать миру, что дело не в пресловутой оккупации, и что в Израиле мирно проживают более миллиона арабов - граждан Израиля, но ни одному еврею, вздумай он жить в «палестинской автономии», не гарантировано место под солнцем.

У евреев в отличие от арабов есть редкая привилегия – говорить правду. А правда всегда сильнее лжи. Пропагандистская война – почти такая же грязная штука, как настоящая, горячая война, а в нынешней ситуации она не менее важная.

Исламский экстремизм растет. Израиль стоит на переднем крае мирового противостояния. Защищая себя, мы удерживаем шаткий паритет в мире. Это необходимо донести до всех, кого исламисты называют неверными. Мы все союзники во имя жизни! Другой Европы для нас нет. Значит - остается уговаривать ее. Наша сила - это наше присутствие в Европе, где на данный момент решается наша участь! Надо бить на эмоции западных обывателей с помощью вот таких же примитивных картинок, которые показывают арабы. Надо не жалеть денег и сил на то, чтобы прорываться в западные СМИ, чтобы они давали эти картинки в эфир. Надо ясно объяснять, что дело не в «оккупации», не в стремлении удерживать чужой песок да камни, а в том, что отступление гарантирует только одно новую большую войну.

Против Израиля арабы ведут психологическую войну, один фронт – в Иерусалиме, а другой-то – в Европе, третий – это исламистский Иран, да, впрочем, и везде на зем-

ном шаре, кроме стран Дальнего Востока!

Израиль должен привлечь христианский Запад в союзники. Не нужно убегать, но и не нужно молчать! Надо искать пути сближения даже с такой по определению антисемитской организацией, как христианская церковь. Ведь она тоже, хоть отчасти, изменилась! Вот и Рим снял с евреев вину за «распятие Христа».

Я призываю вас, дорогие читатели (евреи и не евреи), живущие в христианском мире, как единая семья, и пока еще не поздно – воздействовать на ваши правительства ради всеобщего спасения!

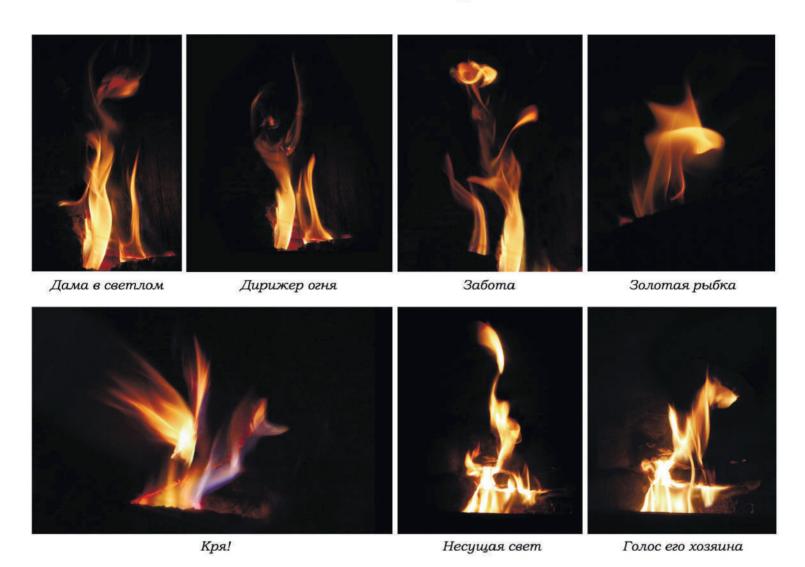
Смерть Израиля – это гибель всего человечества. Помните об этом!

Безразличие, страх и молчание, как и в 30-х годах прошлого столетия, могут привести к новому Холокосту!

Хочется надеяться, что мое призвание кто-то прочтет и услышит в Европе, в Австралии, в Америке и даже в России...

51

Стихия огня – энергия жизни

Огонь обладает самым мощным энергетическим потенциалом. Именно огонь вершит глобальные изменения во Вселенной. Извергающие огненную лаву вулканы кардинально меняют облик планет, создавая и уничтожая горные системы, материки и острова.

Огонь всегда действует стремительно, яростно и непредсказуемо. Он никогда не останавливается и не знает компромиссов. Как в разрушении, так и в созидании, – стихия огня проявляет себя по максимуму – максимуму страсти.

Стихия огня – это энергия тепла и света, энергия жизни, энергия мужского творческого начала. Именно поэтому он является символом сексуальности. Ведь только через вспышку сжигающих эмоций, ощущений и переживаний может затеплиться искорка новой жизни.

Но с такой же неукротимостью огонь испепеляет все, что мешает обновлению и переменам. Роль огненной стихии – побуждать, воспламенять, будоражить и наполнять Мироздание физической и духовной энергией, достаточной для постоянного очищения и развития.

Поэтическое творчество на фотоэтюды Сергея Ладыгина «Волшебство огня»

Светлана Размыслович **ГРОЗА В НОЧИ**

Внезапным прихотям – слуга, И громам всем – царица, Сверкнула молния, нага, И кинулась в светлицу.

Окинув взором спящий дом, Скользнув в проемах узких, Взметнувшись, скрылась над окном, Лучей ломая сгустки.

С углов выхватывая мрак Своим горящим взглядом, Взлетела вихрем на чердак... И стихла где-то рядом.

У летних гроз недолог век – В момент растратив силы, Ушла за поймы спящих рек, Спеша на встречу с милым.

Но замерла в тоске глухой, Вдруг полыхнув дугою. Там, за оврагом, дождь лихой Заигрывал с другою...

Зажав любовь свою в тиски, Разверзнувшись за садом, Вмиг разорвала на куски Всю ночь одним разрядом.

Взвилась, как боль, слетая с губ, Край неба отвернула, Увидев одинокий дуб, Отчаянно сверкнула.

Жанна

Ему желание даря, С ветвей срывая платье, Внезапной искрою горя, Так кинулась в объятья,

Что он лицом во тьме зардел. И, протянув к ней руки, Постиг последний свой удел, Приняв любовь за муки.

И оба были – страсть и жизнь, В одну любовь играя. Стремясь в рывках последних ввысь И в пламени сгорая.

Через минуту грянул гром, Будя речные залы. И вдруг расплакался дождем, Что снова опоздал он...

HOBЫЙ PEHECCAHC 1/35-2019 53

Максим Сафиулин

СЧАСТЬЕ НА ЛАДОНИ

Мне птица счастья села на ладонь, Прибыв вчера из теплого Каира. Внутри нее пылающий огонь – Огонь любви, добра, покоя, мира.

Мы счастливы, пока огонь горит, Но вера в вечный свет, увы, не красит. И может стать несчастным фаворит, Когда огонь тепла в себе погасит.

Когда ты бережешь любви очаг, Чтоб от нее, как Феникс возродиться, Когда добро всем даришь просто так, Тогда тебя отыщет счастья птица.

Чтоб тот огонь случайно не погас, Чтоб каждый смог теплом его согреться, Пусть счастье это не покинет нас, И будет в каждом взгляде, в каждом сердце!

Aemu!

Марина Симонова

ОГОНЬ-ОБМАНЩИК

Огонь волнует нас и будоражит, И, как солдаты, мы стоим на страже, Чтоб только он случайно не угас, А он опять обманывает нас. А он нас за нос постоянно водит И... дымом из трубы от нас уходит...

Эвелина Цегельник

огонь в ночи

Как молодой необъезженный конь, Пляшет в ночи ярко-красный огонь. Радостно скачет меж трепетных звезд, Дымный за ним развевается хвост.

Ох, разрезвился жеребчик игривый: Звезды запутались в конскую гриву, Сыплются искрами из-под копыт – Небо пылает, небо горит.

Я успокою буяна-коня И посижу у ночного огня.

Владимир Райберг **Я НЕ ВИЖУ ВАШ ПРОФИЛЬ...**

Я не вижу ваш профиль, Я молчу невпопад, Я придвину вам кофе -Вы подарите взгляд... Я придвину вам кофе, Вы подарите взгляд, Нам из этой Голгофы Нет дороги назад... Нам из этой Голгофы Нет дороги назад, Вы обрушите в кофе Ваших глаз звездопад, Вы шепнете: согласна, Я придвину ладонь, И на тонком запястье Тихо вспыхнет огонь. Я ничем не нарушу Состояние дум, Я придвину вам душу, Я черту перейду, Перейду ненароком, В том сомнения нет, С ограниченным сроком: Ровно в тысячу лет!

Огненная саламандра

Татьяна Кайзер, член МГП

Не секрет, что в основе большинства эзотерических и духовных учений лежит знание о четырех первоэлементах мира - земле, воде, воздухе, огне и предполагаемом пятом элементе эфире. Оно известно с античных времен, а позже в средневековой натурфилософии стало основой алхимии и астрологии. Немногим отличается аналогичное учение и в древнекитайской философии о пяти стихиях - дереве, огне, земле, металле, воде. А в нынешней современной науке этим четырем элементам приблизительно соответствуют четыре агрегатных состояния вещества: твердое, жидкое, газообразное и плазменное. Философское же понимание стихий - суть явлений Хаоса, ставящих пределы человеку набором определенных качеств.

Высший и самый тонкий уровень мироздания - это стихия Огня, представленная божественной искрой - молнией, послужившей началом творения. Значит, огонь - это первооснова потенциала, плазма, первичное раскаленное вещество любой звездной системы, субстанция, похожая на магму, образующуюся в ходе термоядерного синтеза и обладающую огромной энергией. С древних времен люди считали его творением небес, дающим жизнь, и поклонялись ему в страхе перед его властью ту же жизнь отнять беспощадным и неудержимым пламенем.

Это уже позже, когда плазма стала остывать, проявилась стихия Камня, вулканические газы сформировали атмосферу, а при дальнейшем остывании поверхности планеты образовалась водная оболочка.

И стали появляться духи природы, существа, управляющие жизнью этих природных стихий. Те, которые обитали в водах рек, родников и морей – ундины, русалки, нереиды, нимфы, сирены, – были похожи на красивых женщин с длинными распущенными волосами, иногда с рыбыми хвостом вместо ног, завораживающих пением и нежностью. Встречались и русалки мужского пола – тритоны.

Те же, кто жили под землей или в очень укромных местах, - гномы - молчаливые маленькие трудолюбивые существа вели себя тихо, стараясь не показываться никому на глаза. Ну, а те, которые пребывали в воздухе - сильфы и эльфы - очень красивые, изящные и легкие, невероятно подвижные, меняющие свой облик, создания, порхали над цветами на хрупких, как у стрекоз или бабочек, крыльях. И только мощная и неукротимая Стихия Огня никак не становилась пристанищем кому-либо.

Рано или поздно должно было случиться: накопленная

досада переполнила чашу раздражения Огня, уязвленного отсутствием в нем природных духов, как у других стихий, вызвав всплеск агрессии, полыхнувшей затем лесным пожарищем.

Огненная лавина безжалостно сокрушала все и вся, не оставляя ни малейшей надежды уберечься ни флоре, ни фауне. Опаленные исчезали в пламени духи Воздуха, глубоко ушли в недра планеты духи Земли, пытались найти убежище и благотворную холодную влагу на дне водоемов духи Воды. Ничто не могло противостоять взбешенному Огню. Выжженная, почерневшая земля с иссушенными водоемами оставалась за ним, пепел кружил в воздухе, подменяя свет солнечного дня властью сумерек.

Наконец, подуставшие огненно-красные языки добрались до старой коряги, зацепившейся глубоко вросшими корнями в запруду. Огонь лишь насмешливо лизнул пень, не собираясь уделять ему излишнего внимания. Но не так-то просто оказалось обуглить отсыревшее дерево. Раздосадованный огонь стал обвивать пылающими языками, замирая, выжидая и снова уже в ярости бросаясь на непокорный ствол.

В недолгой схватке пунцовое от ярости огнище взяло верх, трескучим смехом рассыпая искры по сторонам. И

тут из центра пламени вдруг выскочила ящерица. Яркорыжие всполохи отсвечивали на ее глянцево-черной коже раскаленными золотыми пятнами, разбросанными по спине и бокам. Ее большая округлая голова с очень крупными черными глазами, массивное, широкое туловище и короткие, но сильные лапы и хвост изумляли необычным пугающим видом. Потерявший минуты в растерянности, заинтригованный пылкий Огнь азартно закружил вокруг, пощелкивал сучьями коряги, швырял вверх пригоршни светящихся искр, трепетал и колыхался коралловыми языками, пытаясь овладеть лакомой добычей. Но произошло невероятное: ящерица сбросила хвост, завертелась в бешеном танце, извиваясь между языками, лизавшими ее тело. Она словно купалась в пламени кострища. Это была огненная саламандра. Что и говорить, вид яркого и необычного животного так впечатлил Огонь, что он заворожено любовался танцем саламандры, казалось, чудесным образом приручившей огненную стихию.

Так саламандра стала духом Огня, огненным элементалем. И питается она лишь этой яростной энергией, в которой постоянно обновляется ее чешуя. Вот почему солнечная субстанция саламандры, то есть ее истинная сущность, много веков потом использовалась алхимиками для опытов получения философского камня.

Это уникальное, удивительное создание всегда вызывало суеверный ужас и страх, порождая множество легенд и мифов. Ее называли бессмертной, маленьким драконом, из которого вырастет огнедышащее чудовище. Ее считали способной выносить жар пламени и гасить его холодом своего тела, благодаря чему ее шкурка могла лечить от всех болезней. В средневековой магии саламандра дух, хранитель огня, его олицетворение. У нее сложилась репутация существа, обладающего волшебной способностью к регенерации не только хвоста, но и конечностей, не только выживать, но и убивать своим особым ядом.

Удивительное отношение к ней в христианстве: она и ядовитая посланница ада, и отождествляется с библейским символом благочестивого человека, который не горит в пламени греха и ада. Вследствие чего считают, что саламандры воспевают желанья Божьи и пламенеют стремлением к нему.

С тех пор пляшущие в огне саламандры и являются духами этой стихии, в отличие от других природных духов вызывают суеверный ужас и страх, потому что контакты с ними считались опасными для человека. Похожие на извивающихся змеек или ящерок, они могут жить в пламени костра или очага, а могут сверкать и на небе в виде молний причудливой формы. А еще духи огня могут быть видимы, как небольшие огненные шары.

Много легенд и мифов породили они, мелькающие над полями или проникающие в дома, скользящие ночью по воде и иногда появляющиеся на концах корабельных мачт. Один из наиболее могущественных видов саламандр в преданиях даже назывался Актничи.

* * *

В природе проявление стихии Огня пугает. И мы продолжаем смотреть с восхищением и ужасом, как когда-то смотрели на огонь древние люди. Своей мощью, неуправляемостью шокируют молнии, лесные пожары, извержения вулканов, техногенные атомные катастрофы. Однако так приводит в восторг и доставляет наслаждение солнце, так завораживают, гипнотизируют языки пламени костра, очага или свечи.

Вид огня вызывает массу ощущений: умиротворение от плавного чарующего мерцания свечи или занимающихся огнем поленьев костра, восторг и азарт от запускаемых в небо фейерверков, в которые превратился изначально ритуальный танец с огнем, и ужас от пожаров.

Мы – часть грандиозного мира. И природные огненные энергии проявляются в нас не только через температуру в нашем теле и даже пресловутые искры из глаз, или через душевное тепло, которое излучаем, наполняя отношения, и чувствуем через объятие с близким человеком, но и в образе мыслей, характере, темпераменте и эмоциях,

через наличие творческого потенциала. Именно потому все мы бываем нетерпеливы, раздражительны, подвержены вспышкам гнева, частенько действуем сгоряча. И ведь как в мироздании все сбалансировано, так должно быть и в нас самих. Иначе избыток огня может спровоцировать вспыльчивость и раздражительность, неадекватную оценку своих сил и возможностей, гордыню и амбициозность. Тогда гневливость сверх меры, ярость необузданная, агрессия безрассудная будут пожирать и самого хозяина, приводя к нервному истощению. Недостаток же огня будет мучить ощущением обыденности, застоя, безысходности, лишая энергии и вкуса жизни.

И каждые другие стихии тоже должны быть в равновесии. А вот доминирование какой-либо стихии непременно укажет на главное качество характера, темперамент, на способ восприятия мира.

Магия огня давно известна: если подолгу созерцать как переливаются в краснобело-желтой гамме язычки пламени, то это способствует

внутреннему очищению от беспокойства, суетности, душевных сумерек. Через медитацию на пламя можно отвлечься от реальности, уйти в себя, заглянуть в собственную душу. И когда она затрепещет в унисон с язычком пламени, будут выжигаться боль, обиды, претензии. Но, если внутри страсти полыхают, то глядя на огонь, они еще сильнее разгорятся. И тогда, кто знает, не уведет ли за собой в пламя пляшущая саламандра...

Женщина-Огонь

Анте Наудис, член МГП

Есть такие женщины, аура которых ярко оранжевого цвета, а эмоциональный фон достаточно горяч. Безудержная страсть в такой натуре покоряет, а порой пугает. Но если заглянуть в сердце такой дамы, то можно увидеть, что внутри она не горячая, а теплая, не страстная, а ранимая и хрупкая натура. Один неверный шаг, и огненный цветок может угаснуть навсегда.

Маленькая искорка в сердце стремится к тому, чтобы ее оберегали и защищали. Ты заключаешь ее в свои объятья, и вам становится тепло и хорошо. А потом она растет в твоих руках и нежится, превращаясь в красивую девушку-Огонь. Загляни в ее карие глаза, улыбнись и восхитись ее красотой. Не спеши приближаться, не касайся скоро ее спины и плеч, не раздевай ее быстро, и никогда не смотри на ее обнаженное тело. Ее миром правят эмоции, попробуй сначала понять их и проиграть вместе с ней. Все думают, что она взрослела для страсти, что она способна быть

сексуальной и неутомимой, но она не придает этому значение, ее интересует эмоциональная сторона – суть ее личности. Без эмоций не произойдет любви в вашей огненной жизни, поэтому будь внимателен и предельно терпелив.

А когда она расцветет в шикарную женщину-Пламя, то тебе станет невероятно горячо. Она потребует к себе внимания, обжигая своей сутью, горячей и страстной, вызревшей к бальзаковскому возрасту. Она станет для тебя больше чем женщина, превратится в пожар, который способен тебя, как разжечь, но также и уничтожить. Поэтому будь покорен в особенные моменты откровения и близости и проси прощения всякий раз, если задел ее пламенное Эго.

Если ты обидишь такую женщину, то сгоришь, потому что обидчиков она превращает в пепел. Если полюбишь такую женщину всем сердцем, то станешь царем и взойдешь на пьедестал славы.

Два пламени

Елена Яхненко, член МГП

Старик вышел из хижины и взглянул на небо. Первые звезды уже зажглись на небосводе. «Пора готовить костер», - подумал старик. Он направился под навес, где лежали поленья и сухие ветки. Еще одна ночь, еще один костер. Много лет каждый вечер старик разжигал свой костер на вершине горы и ждал гостей. На огонь, как на свет маяка, прилетали заблудшие души живых, чтобы очиститься в его пламени. К сожалению, не все души обретали свет, соединившись с пламенем костра, некоторые возвращались во тьму. Тогда старик до утра молился за каждую из таких душ...

Костер был готов. Старик вернулся в хижину и вынес свечу. С молитвой пустил пламя в пирамидку из сухих веток. Огонь ожил. Потрескивая и пощелкивая ветками, начал швырять вверх пригоршни светящихся искр, трепетать и колыхаться, тянуться к сине-черному небу своими языками. Старик молча смотрел на рождение огня и ждал. Ждал... Внезапно язык пламени вырвался изпод поленьев, взметнулся к небу, изогнулся и затанцевал, превращаясь в прекрасную женщину. Движения ее были грациозны. Она танцевала так, словно пыталась взлететь, но при этом никак не могла оторваться от земли. Не могла... «Вот и гостья, подумал старик. - С чем пожаловала, милая? От чего

страдает твоя душа? – беззвучно прошептал он». Вокруг была тишина и неземной покой, и лишь огонь в диком танце, и мечущаяся в нем душа.

Анна сидела и смотрела на пламя свечи. Хорошо сидеть и просто смотреть в огонь – в пустоту – не рисуя себе в огне никаких картин, не пытаясь прозреть будущее, не думая о прошлом. Но сегодня так не получалось. Женщина смотрела в огонь, словно заглядывала через его пламя в собственную душу. А душа готовилась к разговору с телом о прошлом и будущем. Этот разговор собрались слушать двое: Анна и старик у костра.

Душа встрепенулась и обратилась к Телу:

- Я так любила. Мне казалось, что само небо подарило встречу с ним, самым прекрасным мужчиной на земле.
- Я наслаждалось любовью, отозвалось Тело. Мне никогда не забыть сладких минут счастья в его объятиях.
- Но он нас бросил, закричала Душа. Когда ты изменилось и в тебе зародилась новая жизнь, он предал тебя! И меня!
- Да, он хотел, чтобы я снова стало прежним, прошептало Тело. Он толкал меня на убийство. Но я не хочу...
- А вдруг он вернется, размечталась Душа, и мы снова будем счастливы вместе. Какое блаженство...
- Блаженство, повторило
 Тело и замолчало.

- Значит, ты готово все вернуть? с надеждой спросила
 Душа.
- Нет! содрогнулось Тело. Если даже я стану убийцей, то все равно ничего не вернется. Мы уже никогда не будем прежними. Но мы можем стать другими и быть счастливыми в другом мире. Да, он нас предал, но он сделал нам бесценный подарок мы преподнесем миру новую жизнь. Так что давай поблагодарим его за это. Тело замолчало.

Душа задумалась. Женщина смотрела на пламя свечи. Старил глядел в огонь костра.

- А знаешь, нарушила молчание Душа, мы снова сможем любить. Вдруг само небо дарует нам такую возможность, чтобы наша любовь продолжилась в новой жизни.
- И я снова познаю минуты счастья в нежных объятиях, мечтательно прошептало Тело. И ради этого я готово отдать свои силы и энергию новой жизни. Я готово к переменам.

Душа и тело обнялись, соединившись воедино.

– Я стану мамой, – прошептала женщина, глядя на пламя свечи. – Я и мой ребенок обязательно будем счастливы.

В этот момент старик у костра улыбнулся. Он увидел, как маленький язычок пламени заплясал у ног танцующей в костре женщины. И она ему обрадовалась...

 Да хранит вас Бог, – прошептал старик и перекрестился.

Японский журавль

Сквозь пламя

Прометей

Пробуждение

Поэтический салон

Валентина Чайковская

В ЗЕНИТЕ МИРА

И в торжестве творения, и в скорби, В час поминанья душ в тени надгробий, В минуты тихих дум и просветленья, Читая шум олив, как откровенье, (Что через миг уже непостижимо), Несу весь мир к стопам Иерусалима. Душа – в слезе, взывающей к прощенью, И полнюсь светлой дрожью очищенья, И возвышаюсь в радости, в печали – Ни дух, ни сердце выше чувств не знали. И понимаю значимость величья: В Зените Мира – Город, чье обличье, Таит в себе такое притяженье,

Анна Сагармат

Нам мало было ночи

без слов наговориться,

Горели счастьем очи...

Из уст спешив напиться

Признаний, откровений,

тянули мы мгновенья

И душ прикосновений,

и жажду единенья...

Но миновала ночь,

и сказку быль сменила.

Весна сбежала прочь,

зима запорошила.

Без шали, без накидки,

с душевной пустотой

Ушла под скрип калитки.

Ты не пошел за мной.

И годы пролетели;

растаяли снега;

Мы стали кем хотели;

Забыт мороз, пурга.

Лишь горечь сожаленья

в душе засела пыткой -

Вернуть бы те мгновенья,

что заперты калиткой.

Валентина Бендерская

созвучие

Мела песчаная поземка... У моря – пляжные зонты приспущены... как на поминках, просторы мрачны и пусты.

Купель бугром кофейной пены вскипает, выплеском грозя смыть, не скорбя, столбы и стены, где мной утоптана стезя...

Но жизни оторопь не часто сей посещает уголок в созвучии с души ненастьем, заиливая бурность строк.

Тревожный день слезой горючей притушит пекло, что во мне терзает дух змеей гремучей. Конец всему есть на земле.

О Боже правый! Ты – щадящий, закаливая нас, как сталь. Все в мире этом проходящее: и боль, и радость... и печаль.

Екатерина Кордюкова

поздняя любовь

Престарелый мальчик, Девочка под сорок, Поздняя удача И любовь, как морок.

Как расправить плечи, Чтобы не заметить Хрупкость этой встречи В мельнице столетий?

Слабый треугольник Стонет без опоры: Время, мятый школьник, Девочка под сорок.

Поэтический салон

Максим Сафиулин

ЗАЖГИТЕ МИР! ВЫ ЭТО СМОЖЕТЕ ВПОЛНЕ

Иду домой, а время крутит шар земной. Под вечер тает зимних красок колорит. У фонаря сегодня, видно, выходной, И он поэтому, бедняга, не горит.

Я привыкаю к полумраку с этих пор – Вполне хватает освещения луны. И не горит вторые сутки светофор – Уехал в отпуск, вероятно, до весны.

В подъезде темень, ведь вчера оборвалась Обычной лампочки вольфрамовая нить. Жизнь с этой лампочкой жестоко обошлась. Она одна такая. Некем заменить.

И вот пока мы будем ждать рабочих рук, Что эти руки смогут мир вокруг зажечь, Исчезнет свет кругом, потом исчезнет звук – Свет добрых глаз исчезнет, а затем и речь.

Пока не выйдем из удушливых квартир, Не перестанем жить, как будто бы в тюрьме, Пока добром сердец не осветим весь мир, Вся наша жизнь пройдет во мраке и во тьме.

Зажгите сами! Этот мир и жизнь вокруг – И сразу станете счастливее вдвойне. Чтоб всем хватило добрых глаз и сильных рук, Зажгите мир! Вы это можете вполне.

Владимир Авцен

ЛЕТНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Мы спрятались в чреве подвала, когда разразилась гроза, ты в страхе меня целовала, прикрыв от испуга глаза. И чтобы унять твои страхи, тебя я в ответ целовал, грозу заглушавшие «ахи» полдня оглашали подвал. Угроза грозы миновала, и надо б объятья разнять. – Пора выходить из подвала...

Юлия Ольшевская

ВЬЮГА ВНОВЬ ИГРАЕТ В ПРЯТКИ...

Ни холодна, ни горяча – Под долгим этим взглядом... ...Мерцает памяти свеча За вечным снегопадом В Prägraten...

*

Вьюга вновь играет в прятки – В пропасть – мысли! А тела – в снег, И сразу на лопатки Из блаженного тепла.

Где снежинки? Где созвездья? Где овал луны? Лица? В этой прелести безвестья Пропадаем без конца.

Пропадаем, пропадаем, Пропадаем, пропадем, Словно снег – тихонько таем, рассыпаемся дождем!..

Аыжный след, и – чай, и – прятки Темных комнат. Вьюга – прочь! Опрокинет на лопатки Здесь тебя подруга-ночь.

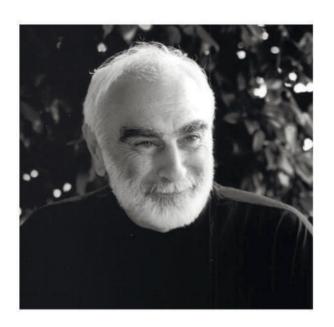
С головой в ночи пропавший, Без одежд и без прикрас, Ты – смеющийся, уставший От прогулок и проказ...

...Жар. Камин. И – ночь глухая, Где, срываясь с высоты, Поборов друг друга, таем, На ковре из меха таем, Как снежинки, таем, таем, Беззащитны и чисты.

HOBЫЙ РЕНЕССАНС 1/35-2019 61

Вдохновенный мир кино

Беседа с режиссёром Мерабом Кокочашвили

Дорогие друзья, судьба свела меня недавно с одной из режиссерских звезд грузинского кино – Мерабом Кокочашвили, автором фильмов «Большая зеленая долина», «Каникулы», «Три дня знойного лета», «Дорога», «Иерушалайм» и др., получивших признание на мировом уровне. С первой же нашей встречи, за которой последовали несколько дальнейших, установилась та особая атмосфера, которая превратила «интервью» в неторопливый рассказ. О подчас непростой судьбе снятого фильма, об общности грузинского и итальянского кино, о детстве, друзьях...

Моисей Борода, представитель МГП в Грузии

Монсей Борода: Батоно Мераб, мое первое знакомство с вашим творчеством началось с фильма «Три дня знойного лета». Показывали этот фильм в боковом зале кинотеатра «Руставели», где крутили некассовые или чем-то не понравившиеся цензуре, но все же через нее прошедшие фильмы. Мы с супругой были глубоко впечатлены замыслом передать в едином сюжете то, что волновало Грузию в те годы. Фильм был принципиально не-советским. Как возник у вас замысел этого фильма?

Мераб Кокочашвили: Был 1978-й год. У меня случился сердечный приступ. После больницы я лежал дома. Врачи запретили работать, и поскольку я работать не мог, то смотрел телевизор. Это было время выступлений грузинской общественности по поводу желания Кремля сделать русский язык единым государственным языком во всех республиках Советского Союза. Кто-то подсказал Брежневу эту идею - сам он в это время уже не был в состоянии выдвигать какие-либо идеи, был уже не тем, чем должен был быть. Грузинская общественность проявила тогда стойкость, и в результате грузинский язык сохранился в качестве государственного в Грузии. Человеком, стоявшим во главе гражданского сопротивления, был мой друг Акаки Бакрадзе. Он, кстати, был главным редактором грузинского комитета по кинематографии в то время, когда я снимал и сдавал фильм «Большая зеленая долина».

М.Б.: Да, это был выдающийся человек, подлинный патриот, глубоко понимающий проблемы Грузии. Я слушал его выступления, они прочно врезались в память.

М.К.: Я видел по телевизору массовые шествия грузинской интеллигенции, выступления студентов - и в голове возник план фильма, в котором тема грузинской культуры, ее глубокого прошлого была бы переплетена с актуальными событиями. Все это должно было преломляться через призму человеческих характеров, через столкновение менталитета, воспитанного советской системой, с оглядкой на «нельзя» - и бунтарства против загодя на себя надетых оков. Люди, рожденные в эпоху террора или пережившие ее детьми, став взрослыми, вели себя по отношению к Системе с осторожностью. Они были убеждены, что без подчинения невозможно сделать то, к чему обязывал их патриотический долг. Но поколение наших детей было уже другим: они считали, что не разрушив Систему или, по крайней мере, не вступив с ней в борьбу, нельзя защитить ничего. Такова была Тамар Чхеидзе, дочь кинорежиссера Резо Чхеидзе, таковы были Звиад Гамсахурдиа, Мераб Костава, мой друг Како Бакрадзе.

М.Б.: Понятно: они не знали, что такое террор – или знали по рассказам. Непосредственного страха уже не было.

М.К.: Его не было и у меня, хотя моего отца репрессировали в 1938 г., но была осторожность. И вот передо мной предстали два героя: оба приходят, чтобы защитить раскопки, открывающие древнейший слой культуры народа, но один убежден, что без компромисса с властью сделать ничего нельзя, другой же — что без борьбы с Системой нельзя добиться ничего. Когда ему становится ясно, что защитить раскопки он не может, он решает засыпать их — и умирает.

М.Б.: У вас не было страха, что такое не позволят снять? От оттепели первых послесталинских лет к этому времени почти ничего осталось.

М.К.: Страха не было. Мы - я и двое ближайших друзей: писатель Давид Джавахишвили, внук Иванэ Джавахишвили, и писатель и сценарист Эрлом Ахвледиани, написали сценарий. Археологическая компонента основывалась на раскопках в Шулавери, где обнаружились культурные пласты шестого тысячелетия до нашей эры. Многое - в том числе и пороки Системы - привело к тому, что раскопки не удалось спасти. Один вид этих слоев - селений, этажами подымающихся от поселений шеститысячелетней давности до двадцатого века буквально сводил с ума. Когда я это увидел, я сказал: «Боже мой, это надо спасти, это необходимо закрыть, защитить». Сегодня это больше не существует. Этого никто тогда не защитил. Поэтому в фильме ученый, занимающийся раскопками, приходит к выводу, что их нельзя защитить иначе, чем засыпать. Сценарий был написан, одобрен худсоветом, но...

М.Б.: Вмешалась Москва?

М.К.: Именно так. В Москве сценарий не утвердили. И вот на одном из заседаний Союза кинематографистов его председатель Эльдар Шенгелая обратился к присутствующему

на заседании Эдуарду Шеварднадзе, тогдашнему первому секретарю ЦК КП Грузии, с просьбой: «Написан хороший сценарий, он понравился худсовету, но Москва отказывается его утвердить. Не могли бы вы помочь? Мы все считаем, что этот фильм обязательно должен быть снят». Шеварднадзе поддержал эту идею и, видимо, поговорил с кем-то в Москве, так что сценарий вскоре утвердили.

М.Б.: Но на этом, как могу предположить, трудности не закончились...

М.К.: Все оказалось сложнее. С одной стороны, во время съемок у меня не было никаких проблем – ни со стороны дирекции киностудии (директором был тогда Резо Чхеидзе), ни со стороны Госкомитета по кинематографии, председателем которого был Акаки Двалишвили. Оба были истинными патриотами, глубоко образованными людьми с большим творческим потенциалом.

М.Б.: Думаю, что и само грузинское ЦК было патриотически настроено.

М.К.: Да разумеется!

М.Б.: Скажу больше: и даже грузинское КГБ было совершенно иным, чем ведомство товарища Бобкова.

М.К.: Конечно. Какое сравнение! Ну вот. В ролях главных героев снялись любимый мной актер Кахи Кавсадзе и Нинель Чанкветадзе – замечательная актриса, для которой ее роль была ее дебютом в кино. Да и для Кахи Кавсадзе роль такого типа была первой.

Первый, закрытый просмотр состоялся в киностудии. Когда окончился последний кадр, возникла тишина. Потом ко мне подошел Тенгиз Абуладзе, обнял, поцеловал и сказал: «Знай, Мераб, с этим фильмом началась новая эпоха грузинского кино». И действительно, вскоре появились «Голубые горы» Эльдара Шенгелая, вслед за ним – «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Слова Тенгиза оказались пророческими: грузинское кино действительно вступило в другую эпоху. И дело не в моем фильме. Грузия была к этому готовой.

М.Б.: Можно сказать – душа нации созрела для этого нового.

М.К.: Да, именно так. Но к этому новому были готовы не только Резо Чхеидзе, директор киностудии, не только Како Двалишвили, председатель Госкомитета по кинематографии, но и сам Шеварднадзе.

Теперь дальше. Фильм снят, понравился худсовету, но его не пускают в прокат. Проходит месяц, другой, полгода... Я ничего не понимаю, спрашиваю Како Двалишвили – в чем дело. Он отвечает: «Есть противодействие». – «Но в чем дело, почему?» Наконец, через несколько месяцев он говорит: «Ничего сделать нельзя. Ты должен обратиться к Шеварднадзе».

Вторым секретарем ЦК был Сулико Хабейшвили, мы учились в с ним параллельных классах, у нас были очень хорошие отношения. Я пришел к нему, объяснил в чем дело, сказал, что должен встретиться с Шеварднадзе. Сулико ответил: «Мераб, я твоего фильма не видел, но зная тебя, я его вижу перед глазами. Сделаю все, чтобы Шеварднадзе тебя принял». И действительно, через два дня мне позвонили, что Шеварднадзе меня примет.

Прихожу, захожу в его кабинет, здороваюсь. Молчание. Потом Шеварднадзе спрашивает: «Как получилось, что ты снял этот фильм?» На что я с удивлением: «Но, батоно Эдуард, вы же сами меня поддержали. Без вашей поддержки этого фильма бы не было». - «Это так. Теперь послушай. То, что твой фильм хорош, несомненно. Ты не вырежешь из него ни одного метра. Он выйдет на экран - но выйдет тогда, когда мы посчитаем нужным. Почему? Потому что государство и мы его финансировали. Теперь перейдем к следующему. Национальный вопрос - самый сложный и самый тяжелый из всех вопросов. Ты это знаешь, ты пережил то, что было связано тогда с национальным языком». - «Хорошо, батоно Эдуард. Но все же в чем дело, может быть, в фильме содержится что-то неправильное?» - «Возникают ассоциации. Скажи, кого ты имел в виду, когда дал главной героине фильма имя Тамар?» - «Но, батоно Эдуард, вы помните, что там на стене в комнате - портрет царицы Тамар, и...» - «Только эту Тамар ты имел в виду?» И тут мне ударило в голову: дочь Резо

Чхеидзе, Тамрико, Тамар, арестована за диссидентскую деятельность, сидит в тюрьме. Шеварднадзе понял без слов и продолжил: «Возникают ассоциации с молодыми людьми, пытающимися вмешиваться в исключительно сложные процессы. Повторю: национальный вопрос – самый сложный и самый тяжелый из всех вопросов». Я попрощался и вышел из ЦК.

М.Б.: Представляю себе что-то подобное в России. Фильм бы просто зарубили на уровне низового цековского аппарата – и все. Да и до цековского бы не дошло. А тут такое!

М.К.: Да, так, но все было сложнее. Прошло около восьми месяцев. Вдруг в газете появляется сообщение, что выходит на экраны фильм «Три дня знойного лета». Утром — первый сеанс был в 12 часов — мы с женой пришли в кинотеатр. Подхожу к кассе, протягиваю деньги. «Мало». — «Как мало? Почему?» — «Две серии». — «Какие две серии — одна! Я же лучше знаю». — «Слушай — или плати, или уходи». Заплатил. Сели и...

М.Б.: Можно я угадаю?

М.К.: А вы уже угадали. Садимся. Начинается фильм «Грузинская археология: Вчера, сегодня, завтра». Фильм длится 40 минут. К тому времени, когда начинается мой фильм, в зале остаются, наверное, процентов тридцать зрителей.

М.Б.: Да, что-то вроде этого я предположил. Обезвреживание яда.

М.К.: Можно сказать и так. Такова история фильма. Фильм отпечатали всего в шестнадцати экземплярах - на каждую республику один экземпляр. Фильм вышел, получил хорошие рецензии ведущих киноведов. К сожалению, фильм этот малоизвестен, поскольку он не дигитализирован. Возможно, сейчас мы получим из Москвы специальную аппаратуру и сумеем перевести фильм в дигитальную форму. С этим фильмом связан еще один интересный эпизод. Меня - фильм уже был показан - мучила мысль, что в героях фильма, борющихся с системой, узнаваемы мои друзья, и у них могут быть неприятности, если у кого-то возникнут, говоря языком Шеварднадзе, «ассоциации». Я дошел до того, что был готов вырезать в фильме опасные кадры, и в один из таких дней я сказал об этом дома.

Реакция моей дочери – ей было тогда 13 – была: «Папа, если ты вырежешь из фильма хотя бы кадр, я уйду из дома».

М.Б.: Ого, характер!

М.К.: Да, и она бы сделала это. Эта ясность позиции сохранилась у нее и сейчас.

М.Б.: Насколько я знаю, она – профессор консерватории в Бельгии.

М.К.: Да. Выступает с концертами, Элисо Вирсаладзе, у которой она училась в Москве, ценит ее, приглашает на свои фестивали.

М.Б.: «Не вырежешь из фильма ни кадра» – это ведь слова Шеварднадзе. Удивительно прогрессивный был человек.

М.К.: Он менялся, менялись его взгляды, отношение. Менялись с эпохой.

М.Б.: Все так, но человек это был смело глядящий в лицо прогрессу.

М.К.: Это была личность. глубокий человек, в нем было все – и человечность, и хитрость, и... – все это вместе. Уже когда он не был президентом, писал мемуары, мы были у него, сняли два документальных фильма. В одном из них, связанном с Израилем...

М.Б.: Я знаю, вы сняли фильм «Иерушалайм». Вы его имеете в виду?

М.К.: Да, и другой тоже, оба о теме израильско-грузинских связей. Там Шеварднадзе говорит о том, что он был первым в СССР, позволившим делегации из Грузии поехать в Израиль. Он также был первым, кто разрешил евреям Грузии переселиться на их историческую родину.

М.Б.: Ну да, Израиль ведь был для СССР «гнездо сионизма», что-то вроде врага номер один.

М.К.: Да, Шеварднадзе был действительно первым. Я потом подарил ему эти фильмы.

М.Б.: Вообще, эпоха Шеварднадзе запомнилась мне многим очень положительным. Я помню, например, какие композиторские фестивали организовывал Гиви Орджоникидзе, Председатель Союза композиторов Грузии

(сам – потрясающей одаренности, энергии, организаторского таланта человек) с существенной поддержкой Шеварднадзе. Один фестиваль был вообще международным. Они проходили на высочайшем уровне. Так вот, батоно Гиви, да и другие тоже, говорили о Шеварднадзе с глубоким уважением. Замечательный человек, замечательное – при всей всеобщей бедности – время. Но вернемся к вашим фильмам об Израиле.

М.К.: «Иерушалайм» – второй фильм, а первый был посвящен визиту Шарона в Грузию. Мы снимали Шарона и тогда, когда приехали в Израиль, он дал нам интервью - к сожалению, оно не записалось, постоянно возникали помехи. Кстати, Шарон тогда предложил нам приехать в воскресенье к нему на ферму здесь, мол, вы вряд ли что-то сумеете записать, а там... И мы поехали к нему. Он разводил овец. Проехали город, проезжаем цветущую долину. Едем дальше - на щите: «Пустыня Негев». Подъезжаем почти к границе, чувство - не опасно ли? Внезапно появляется оазис - ферма Шарона. Он специально выбрал место для своей фермы в непосредственной близости к границе. Он и похоронен был там, рядом с женой, скончавшейся в 2002-м году.

М.Б.: Вернусь коротко к Шеварднадзе и его словам о вашем «Три дня знойного лета». Да, ваш фильм вышел на экраны, да, вам не пришлось из него вырезать ни метра – но пустили его «обезвреженным». А что было в этом плане с другими вашими фильмами?

М.К.: То, что сделали с «Три дня...» – это был новый метод, существенно отличавшийся от тех, которые использовались ранее. Например, в моем фильме «Доброго пути, Джако» по роману Нодара Думбадзе меня заставили вырезать 20 минут! Когда я вошел в просмотровый зал – дело было в Москве – в зале сидели двое редакторов и шесть генералов. Я слышал только их «Убрать! Убрать! Убрать!», а в конце мне было сказано: «Вы не читали Устав Советской Армии!» В общем, фильм испортили, вырезали все, что могли.

И почему... Представьте себе ситуацию – СССР, грузинско-турецкая граница. По обе стороны пограничной зоны живут грузины. На турецкой стороне возник пожар. Герой – пограничник Джако, движимый одним желанием: помочь! – бежит в сторону пограничной линии, чтобы перебежать на турецкую сторону. Его командир – тоже грузин – кричит «Назад, Джако, назад! Пойми, я обязан стрелять в тебя!» – поднимает пистолет... и не может стрелять, в конце концов, он опускает пистолет.

М.Б.: Ну как – конечно! Советский офицер и не застрелил «перебежчика», пусть он и не перебежчик, а только хотел помочь своим землякам. Какие «земляки», какие там гуманитарные соображения в стране, только недавно расставшейся – да и то условно – с эпохой массовых расстрелов, пятиминутками ненависти (к «врагам») и любви (к собственным вождям)!

М.К.: Ну так или иначе фильм был испорчен. Испытал я на себе и еще один метод борьбы с «потенциально опасным». Мой фильм, который должен был стать моим дипломным – «Миха» по рассказу Михаила Джавахишвили, я начал работать над ним в 1958-м – приостановили, и я смог его снять только в 1965-м.

И еще один способ: в моем фильме «Большая зеленая долина» вырезали в Москве два кадра - не два эпизода - два кадра. Без моего ведома. Когда я написал протестующее письмо, пришел ответ от союзного Госкомитета по кинематографии - ответ не мне, а киностудии: «Мераб Кокочашвили, который не является автором фильма (режиссер в то время в СССР автором фильма не считался - только автор сценария и композитор; режиссер официально являлся сотрудником по найму), не может заявлять никакого протеста; мы вырежем из этого фильма то, что посчитаем нужным. Подписал это письмо председатель Комитета Романов. А вот его заместителю фильм понравился, и он сказал: «В малом тираже мы его отпечатаем».

М.Б.: Пара вопросов о фильме «Большая зеленая долина».

М.К.: Пожалуйста.

М.Б.: Фильм глубоко впечатляет трагедией человека, от природы одаренного, принуж-

денного заниматься крестьянским трудом. Эта трагедия выражена в фильме без слов, как бы за кадром. С другой стороны, фильм ваш музыкален – при том, что музыки в нем почти нет. Это – особая музыка, музыка драматургии, это полутона, раскрытие характера, смена эпизодов подобна смене переходов в тонкой мелодии. Весь фильм построен как своеобразная сюита.

М.К.: Согласен с этим. Если меня спросить, из всех искусств музыка и кино наиболее близки друг другу. Оба они ничего не объясняют, и в обоих случаях фактор времени играет чрезвычайно важную роль, они развертываются во времени. Поэтому для меня принцип музыкальной драматургии и кинодраматургии - один и тот же принцип. Драматизм «Большой зеленой долины» строится на этом принципе. Трагедия героя - в том, что это свободный человек. То, что он любит, для него исключительно важно: природа, семья, возможность что-то создавать. У него казалось есть все, чем может быть счастлив человек. И все это шаг за шагом разрушается извне приходом нового. Но способно ли это новое быть созидательной силой или оно способно только разрушить то, что ему так дорого. По сути - это трагедия столкновения естественно свободного человека, для которого дороги естественные духовные ценности, и тенденции разрушения этих ценностей. Это противоречие, это драматическое столкновение особенно остро проявляется сегодня. Поэтому «Большая зеленая долина» воспринимается и сейчас современным по теме и трагедийному пафосу фильмом. Например, в 2015-м году фильм - уже в дигитализированном виде был показан в берлинском кинотеатре Arsenal. Это была вторая премьера. За тридцать лет до второго показа в Берлине фильм увидела известный журналист Эва Хоффманн; она привезла его в Берлин для показа в рамках фестиваля «Дни грузинского кино». В 1975 году в Берлине состоялась премьера фильма первая премьера в Европе. Фильм представил лауреат Нобелевской премии писатель Гюнтер Грасс. До этого фильм с успехом прошел в Израиле. Этот фильм - как вы верно сказали цикл, который начинается и заканчивается

как драма. Эта цикличность построения для меня очень важна и в моих других фильмах.

М.Б.: Фильм этот внутренне музыкален, вызывает ассоциацию с Adagietto из 5-й симфонии Малера.

М.К.: Эмоциональной атмосферой, пожалуй. Вообще, музыка Малера любима в Грузии, она использована в целом ряде фильмов.

М.Б.: После замечательно оптимистичного, яркого фильма «На каникулах» вы сняли «Большую зеленую долину» – трагический фильм. Что-то изменилось в жизни? В вашем восприятии окружающего? Или...

М.К.: Мой фильм «Миха» и эти два фильма, при всей контрастности сюжета, атмосферы объединяет идея свободы человеческой личности. Первый – о любви, второй – о свободе детей, третий – о человеке, абсолютная внутренняя гармония жизни которого была разрушена системой. Но и в других моих фильмах идея свободы очень важна.

М.Б.: О вашей семье. Насколько я знаю, ваш отец был репрессирован в 30-е годы. Вы получили потом справку, что он скончался. Но справкам такого рода цена, наверное, невелика?

М.К.: То, что отец умер, это известно, это случилось в арестантском поезде. Но где его похоронили - об этом мы не знаем. Серго Параджанов был его учеником по скрипке, постоянно говорил мне: «Давай выясним это, похороним его останки». Но не удалось выяснить ничего. Знаю только, что моя мать, когда узнала, что поезд с арестованными стоит на станции Навтлуги, побежала туда, обежала все вагоны, крича: «Арчил, Арчил!» - никто не ответил. Позже я расспрашивал об отце редакторов нашей киностудии, которые были в те годы репрессированы и вернулись. Один из них сказал, что вместе с моим отцом был посажен в один поезд, но оказались они в разных арестных вагонах. Известно, что отцу присудили ссылку на пять лет.

М.Б.: Подарок по тем временам!

М.К.: Тогда это считалось подарком. Отец был совершенно ни в чем не замешан. Арестовали и судили его потому, что он играл в оперном оркестре и в театре Руставели. Дирижировал в опере тогда Евгений Микеладзе, в театре Руставели главным режиссером был Сандро Ахметели. Оба были арестованы и расстреляны. Это определило судьбу отца, музыканта, совершенно далекого от любой политики.

М.Б.: Когда арестовали вашего отца, вы были совсем маленьким, помните ли что-то об этом?

М.К.: Нет, я тогда был болен, спал. Когда пришли за отцом, уводивший сказал ему: «Попрощайся, поцелуй сына». Отец спросил – так мне рассказывала мама: «Как же я его поцелую, ведь он проснется. Зачем? Я же завтра вернусь». Тогда уводивший сказал: «Поцелуй, поцелуй», – он знал, что отец не вернется. Так оно и было.

Мать долго не рассказывала о судьбе отца. Мне было тринадцать, когда она сказала: «Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать – отец осужден на поселение». Помню – я заплакал. Мы ели суп, и слезы падали в суп.

М.Б.: Атмосфера была соответствующая. Об отце вы долгое время не знали ничего. Славословием вождям – Отцу Народов и другим «вождям» был, что называется, пропитан воздух. История с вашим первым стихотворением вписывается в эту атмосферу.

М.К.: (смеется) Было такое. У нас был замечательный класс, в нем учились и дети репрессированных, и, например, сын тогдашнего первого секретаря ЦК Кандида Чарквиани. Может быть, из-за этого уровень преподавания был очень высоким. Классная комната, в которой мы во втором классе учились, называлась «Сталинской». Увешана она была портретами вождей. Нас, так сказать, растили в тени этих вождей. Поэтому, когда нам дали задание написать стихотворение, почти все написали о вождях. Я написал о Берии.

Был я своим достижением горд. Еле дождался матери. Она работала концертмейстером в нескольких местах – в консерватории, в десятилетке, в оперном театре – и приходила домой поздно. Когда она пришла, первое, что я сказал: «Я написал стихотворение». – «Прочти». Я начал читать, прочел первую строфу, после чего мама сказала: «Чтобы я больше не слышала, что ты пишешь какие-либо стихотворения». Это был ее ответ не только на то, что случилось в нашей семье, но и на то, что творилось тогда вокруг, во всем Советском Союзе.

В связи с этим мне вспоминается разговор, услышанный мной ребенком. Я сижу под столом, покрытом широкой бархатной скатертью, играю в танкиста. За столом – дочь Какуца Чолокашвили и тетя моей мамы. 1941-й год. Война. Говорили по-русски. Единственное, что мне запомнилось, было: кто-то из них сказал: «Гитлер, конечно, людоед». В этот момент вмешалась моя бабушка: «Но по сравнению с нашим он – вегетарианец».

М.Б.: Таково было у интеллигенции истинное отношение к Отцу Народов.

М.К. Да, такое отношение было. Кстати, дочь Какуца Чолокашвили подарила нам запонки Александра Чавчавадзе – вы, наверное, знаете, что я – его потомок.

М.Б.: Конечно, знаю. Уникальный человек, огромного масштаба фигура. Выдающийся генерал. Выдающийся общественный деятель.

М.К.: Но некоторые факты его жизни не так широко известны. Известны его заслуги в «европеизации» Грузии, в приобщении ее к современной европейской культуре - литературе, поэзии и т. д. И конечно, он известен как выдающийся поэт на как бы перевале двух культур - западной и (условно) восточной. Но сторона его деятельности, которая мне представляется исключительно важной, известна меньше. То, что это был настоящий патриот, конечно, известно: он принимал участие в антироссийском движении дважды - в 1804-м (после чего был на короткий срок выслан в Тамбов) и в 1832-м. Менее известен факт, что посланный на подавление восстания, он не обстрелял восставших, а дал приказ выстрелить в воздух. Сам он был ранен в этом противостоянии, тем не менее поступил так, как поступил.

М.Б.: Редкий поступок. А ведь это был генерал, выдающимся образом проявлявший себя на настоящем поле боя, в бою с противником. Редкий поступок, уникальная личность.

М.К.: Да, вряд ли можно назвать другого генерала и поэта, который поступил бы так – стреляли, подавляли. Александр Чавчавадзе предполагался, в случае удачи заговора 1832-го года, на должность члена совета и одновременно министра обороны. Заговор был раскрыт, Александр Чавчавадзе – выслан опятьтаки в Тамбов. Из ссылки он написал письмо Николаю І. Письмо это имело исключительное значение для истории Грузии и грузинской культуры.

Чавчавадзе писал, что грузинским народом невозможно управлять с помощью силы, подавления. Если вы хотите нормального отношения Грузии, необходимо сделать то, что этому народу необходимо, именно: школы, образование. Николай I прочел это письмо. Через некоторое время Александра Чавчавадзе освободили и вызвали в Петербург. Ему была выдана огромная сумма денег для реализации его проектов. Приехав в Грузию, он запускает проект экономического развития виноделия в стране. Далее - события развиваются уже в политико-общественном аспекте. В 1841 году наместником на Кавказе был назначен Воронцов, начавший именно ту политику, о которой писал в письме Николаю I Александр Чавчавадзе. Грузинские школы, грузинские газеты, грузинский театр, итальянский театр - и Совет при наместнике из представителей высшего грузинского дворянства; одним из деятельных членов этого Совета был Александр Чавчавадзе. Несчастный случай - понесшая лошадь выбросила его из экипажа, случилось это, когда он торопился на заседание Совета - оборвал его жизнь.

М.Б.: Насколько я знаю, в вашей судьбе сыграло роль общение с Ушанги Чхеидзе.

М.К.: Ушанги Чхеидзе был очень близким для нашей семьи. Мы были соседями – точнее, дело было так. У нас была до революции очень большая квартира, мы занимали весь

этаж. Когда начали с приходом новой власти отбирать квартиры, отец предложил Ушанги, у которого на тот момент не было своей квартиры, поселиться у нас. Жили так, что между нашим жильем и жильем Ушанги в течение долгого времени не было даже двери.

М.Б.: Интересно, каким человеком был Ушанги. Знаю, что это был без преувеличения гениальный актер. Но вот каким он был человеком?

М.К.: К Ушанги все относились с исключительным уважением, почтением. Он был чуток, мягок в общении, очень серьезен. Кстати, именно он, так сказать, поставил меня на ноги.

М.Б.: То есть?

М.К.: Он лежал на диване и ел черешни. Я в это время ползал по полу на нашей половине. Ушанги привязал черешенку к нитке и перебросил к нам. Я попытался ее взять, в этот момент он потянул за нитку. Я пополз за черешней, он опять потянул за нитку. И тут я впервые встал на ноги. Ушанги же подарил мне издание «Вепхисткаосани» - мне было тогда три месяца - с надписью «Милый Мераб, слава наших предков да будет твоей первой собственностью». Потом, когда я решил поступать во ВГИК, мама очень волновалась, не хотела меня, восемнадцатилетнего, отпускать в Москву. Ушанги в этот период часто заходил к нам, и после общего разговора мама выходила, и мы оставались с ним наедине и говорили с ним о моих планах. Прошло какое-то время, и Ушанги сказал маме: «Отпусти его в Москву».

М.Б.: То есть, во второй раз «поставил вас на ноги».

М.К.: Можно так сказать.

М.Б.: Как возникла у вас мысль стать кинорежиссером?

М.К.: После победы над фашизмом Советский Союз получил в виде контрибуции много чего, в числе прочего – огромное количество фильмов. Это было большим счастьем – в ки-

нотеатрах дважды в неделю были премьеры новых фильмов. Были замечательные фильмы, были коммерческие фильмы, подчас невероятно наивные. Благодаря этим премьерам мы посмотрели многое из того, что раньше было недоступно. Все, что мы раньше видели, это была советская продукция 30-х-40-х годов. Это были фильмы героического рода или возвеличивающие вождей, больше всего -Ленина, и особенно Сталина, или фильмы о российских героях прошлого - Адмирал Нахимов, Петр Первый, Иван Грозный и так далее. Некоторые из этих фильмов были интересными, но все равно это были, так или иначе, «фильмы возвеличивания». И вдруг мы увидели фильмы совершенно другого рода - немецкие, французские, очень много итальянских, это был период итальянского неореализма. Тогда я впервые понял, как велико влияние кино на общество. Мы в школе обменивались цитатами из виденных кинофильмов. Кроме западных фильмов, огромное впечатление произвел снятый в 1948 году великолепный фильм «Кето и Котэ». В общем, кино мощно ворвалось в мою жизнь.

М.Б.: А Фильм «Георгий Саакадзе», в котором вы выступили как актер, в роли сына Георгия...

М.К.: Ну, тогда меня в моем возрасте интересовало другое: лошади, военные доспехи. Очень интересным было для подростка общение с актерами - в фильме были заняты выдающиеся грузинские актеры; их разговоры со мной производили большое впечатление; обращались ко мне не иначе как «батоно», как к старшему по возрасту. Все - вместе взятое зародило не просто сильную любовь к кино, но желание идти по этой творческой стезе. И вот в 1953 году я поехал в Москву, поступать во ВГИК. Но до этого, когда созрело решение «ВГИК», я посоветовался с Эльдаром Шенгелая, который уже там учился. Эльдар и его семья были близки нашей семье. Он посоветовал мне прочесть то-то, то-то, то-то. И я засел на целый года за книги – история искусств, сценарии фильмов, режиссеры, история кино, и т. д. Поехал я достаточно подготовленным. Экзамены я сдал хорошо, получил высокие оценки, но в списках поступивших меня не было. Пошел в деканат, спросил – в чем дело?.. Говорят: «Ты должен сдать еще один экзамен». – «Какой экзамен?» – «Придешь завтра в Мандатную комиссию, узнаешь».

Прихожу. В комиссии сидят двое из преподавателей, которым я сдавал экзамен, и еще трое мне неизвестных. Спрашивают: «Какие оценки получил?» Я отвечаю: «Хорошие». – «Расскажи о твоей семье». – «Мать – музыкант, отец... отец был репрессирован». – «Что он делал?» – «Играл на скрипке».

М.Б.: Эти неизвестные были, судя по вопросам, от органов.

М.К.: Ну ясно. Когда я сказал, что отец играл на скрипке, воцарилось молчание, но я заметил, что двое преподавателей сочувственно на меня посмотрели. В конце концов, мне было сказано: «Свободен». На другой день мое имя появилось в списке поступивших. Так оно было. Будь Сталин жив, думаю, этого бы не случилось.

Преподавание во ВГИКе было замечательным, а вечером мы, наша коммуна вгиковцев из Грузии, обменивались впечатлениями, знаниями, полученными от того или другого из наших педагогов. Это было замечательным обогащением. На третьем курсе мне поручили снять фильм о Дубне, и мы с моим напарником отправились в этот в то время закрытый город. Так нам удалось посмотреть атомный комплекс Дубны, поговорить с физиками, там работали несколько физиков из Грузии – интересные были встречи.

Для курсовой работы – моего будущего фильма я выбрал рассказ Важа Пшавела «Хмели ципели» («Высохший бук»). Все друзья говорили мне: «Да ты с ума сошел! Как ты это будешь снимать? Это – литература!» Мне очень хотелось снять фильм по этому рассказу, рассказ я полюбил, он очень грузинский. Мы с моим сокурсником-оператором снимали фильм в том селении, где жил Важа. Это был мой первый фильм, в институте его приняли очень хорошо. Его потом показали в Италии. Как-то

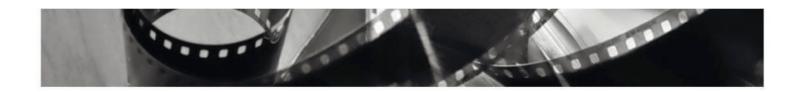
разрешили показать фрагмент фильма в журнале – вы, наверное, помните – в советские времена перед собственно фильмом показывали киножурнал, обычно о достижениях и пр. В тот раз был фрагмент моего «Хмели ципели». Потом фильм показали на фестивале молодежи и студентов в Вене в 1959 году. Там фильм получил 2-ю премию, серебряную медаль. Профессор ВГИКа мне тогда написал: «Поздравляю тебя. Ты получил на фестивале серебряную медаль. Но приз и все остается во ВГИКе».

М.Б.: Типично советский подход!

М.К.: В общем, у меня в руках мало что осталось. Но фильм потом был показан в кинотеатре Руставели, впервые я пришел на демонстрацию моего фильма. Сижу между двумя парнями, которые непрерывно грызут семечки. В фильме есть эпизод: крестьянин подходит к буку, начинает срезать ветку. В кадре – стонущий звук, точнее смесь стона и вздоха. Сидящие рядом парни недоуменно: «Эс инча, то?» («Это еще что?» – арм.). Сказать по правде – у меня упало сердце, и я сказал себе: «Эх ты, идиот, что же ты сделал, если у зрителей такая реакция!» И я подумал, что я – очень плохой режиссер. Таков был мой дебют в большом кинотеатре.

М.Б.: Рождение сценария – как это происходит у вас?

М.К.: Очень по-разному. О том, как родился сценарий «Три дня знойного лета», я вам уже рассказывал. Другой случай - со сценарием «Нуцас скола» («Школа Нуцы»). Мы с Эльдаром Шенгелая были членами Ассоциации, заботящейся о детях и молодых людях с задержкой психического развития. Эта Ассоциация существует и сегодня - в большем масштабе. Тогда она состояла из нескольких человек, все было на личной основе. Я поехал тогда в Италию, чтобы изучить на месте, как там ведется работа в этом направлении - у них был уже солидный опыт. Думать о фильме на эту тему, о том, как это все происходит в тех условиях, в которых в конце 90-х была Грузия, я начал уже в 1994 году. В 1996-м сценарий был готов, и я приступил к работе. Закончил я фильм только через четыре года не было средств на съемки. Помогли коллеги

из Швейцарии, выделили средства для завершения фильма. В сценарий и фильм вошло то, что мы видели, работая в Ассоциации, в том числе и конкретные герои.

М.Б.: И антигерои тоже.

М.К.: Разумеется. С одной стороны - это главный герой, человек высокой этической культуры, с другой стороны - это внешняя среда, в тех страшных условиях - морально трансформировавшаяся. Все развивается, как противодействие сторон - кто чей сторонник. С одной стороны - имение, возвращенное владельцу, - имение, на территории которого располагается школа для молодых людей с задержкой психического развития, психическими отклонениями - «Школа Нуцы» (по имени одной из главных героинь). С другой стороны - на это имение, на его части стараются предъявить права многие. «Школа Нуцы» становится центральной помехой на том пути. На этом фоне жестокого, порой зверского отношения к «помехе», в «Школе Нуцы» зарождается любовь молодых людей. Это, как я уже сказал, не вымысел, здесь отразились впечатления от моей работы в Ассоциации. Вообще, то, что я пережил в жизни, те реальные ситуации, оставившие глубокий оттиск в душе, становилось основанием моих фильмов, все двигало чувство: «Об этом ты должен рассказать!» Если в двух словах, главным было рассказать о творении добра и потере добра, утрате моральных ориентиров то, что я мог наблюдать в моей стране. В этих людях с задержанным развитием я увидел столько добра, участия друг к другу! И как нередко встречал обратное у людей с «нормальным развитием».

М.Б.: Несколько слов о ваших коллегах.

М.К.: Ну, если бы не было нашей коммуны во ВГИКе (коротко скажу о ней), если бы не было этого взаимного обогащения узнанным, вряд ли был бы возможен тот феномен в грузинском кино, который называют феноменом «шестидесятников» – огромный скачок в раз-

витии. Каждый из членов той коммуны, возвратившись в Грузию, стал родоначальником определенной индивидуальной идеи, стиля в кино. В результате сформировался исключительно богатый спектр грузинского кино – Эльдар Шенгелая, абсолютно на него не похожий его брат Гиорги, абсолютно другие, друг на друга непохожие – Отар Иоселиани, Лана Гогоберидзе, Миша Кобахидзе... Это была свобода творчества во всех направлениях, во всех ипостасях. В то же время все это было стопроцентно грузинским кино.

М.Б.: А Тенгиз Абуладзе?

М.К.: Ну, о чем говорить, это большой режиссер, но когда я приехал после ВГИКа, он и Резо Чхеидзе уже работали, были авторами фильмов. Я, кстати, после ВГИКа проходил практику у Резо Чхеидзе, на его фильме «Наш двор».

М.Б.: Вы обещали рассказать о ВГИКовской коммуне.

М.К.: Мы жили в общежитии в двух комнатах – Эльдар Шенгелая, Гиорги Шенгелая, Боря Андроникашвили, Отар Иоселиани, я, Юра Кавтарадзе, студент из Эстонии Пээт Лепик и тбилисец Алексей Сахаров. Располагались эти комнаты друг напротив друга. Это было непрерывное общение, непрерывный обмен узнанным – учился каждый из нас у разных преподавателей – постоянное взаимное обогащение.

М.Б.: Прыжок в сторону: что по вашему делает грузинское кино грузинским? Те фильмы, которые я видел, – стопроцентно грузинское кино, не только по сюжету, но и по стилистике.

М.К.: Грузинская культура, грузинское искусство, грузинский характер, грузинская этика, все, что характеризует грузинское национальное самосознание и глубокие знания мирового киноискусства, которые мы получили во ВГИКе. Почему я об этом говорю? Потому что эти знания мировой культуры вообще были, думаю, одной из основ грузинской культуры

туры. Это переплавлялось в плавильне самобытной грузинской культуры, становилось после такой переплавки ее составной частью.

М.Б.: То же происходило с языком!

М.К.: Разумеется!

М.Б.: Множество слов исходно другого происхождения, попав в «языковую плавильню» грузинского языка с его изумительной грамматической структурой, огрузинивались, становились органической частью языка – так, как будто исходно в нем родились.

М.К.: Да, и в кино было то же самое. Мы жадно проглатывали знания о других культурах, другом, даже и совершенно другом, кино, обменивались этим опытом – но преломлялось все это в нашем сознании через грузинскую линзу. Вообще, это свойство грузинской культуры.

М.Б.: Спасибо за замечательную беседу!

М.Б.: Спасибо вам!

(На фото Мераб Кокочашвили в роли поручика Ишхнели, фильм «Не горюй»)

